

БЛАЖНАЯ

(Роман)

ПРОЛОГ

- Смотрите! Смотрите-е-е! - Душераздирающий крик эхом отозвался в тишине лунной ночи. У девушек, укладывавших скошенную траву в стога, мороз прошел по коже. Застыв, они всматривались в сторону леса. Оттуда к ним, шатаясь, шла женщина с распущенными, ниспадавшими на лицо длинными волосами, в изорванном платье.

- Это же Блажная! - вскрикнула одна из девушек.

- Та самая?

- Ну да!

Девушки растерянно и оцепенело глазели на приближавшуюся тень, не в силах пошевелиться. Вдруг - чей-то вопль. Придя в себя, девушки стремглав ринулись в сторону села.

Село всполошилось. Девчата наперебой рассказывали о только что увиденной, жуткого вида женщине. Всяк толковал на свой лад: привидение, колдунья, нечистая сила, прочее. Затем подоспели и комбайнеры, работавшие на соседнем поле, и сообщили о том, что видели бродячую женщину. Вскоре все убедились, что все-таки это существо реальное. Расписывали, мол, волосы по земле стелятся, глаза угольками горят, то ли нагая, то ли одетая, то ли молодая, пригожая, то ли страхолюдина. Поди разберись.

ГЛАВА I

И едленно и незаметно густели сумерки над лесом, неся с собой умиротворяющий покой. Тоскливый изнурительный зной сменялся приятной прохладой. Едва заметное дуновение ветерка было пропитано травяным, цветочным настоем, прелой листвой и еще чем-то непостижимым, но родным, навевающим печаль. Хор лягушек, стрекотание цикад, грустное кукование кукушки из глубины леса, глухое рокотание реки Шахнабат, наполнявшие вечернюю мглу, создавали ощущение неприкаянности и одиночества.

У опушки леса, подступавшего к пойме реки, под кустом цветущего шиповника лежал на мягком ромашковом ковре Рахман. Его немигающий взор был устремлен в густеющую мглу. Что томило, тревожило его? Может, теплое дыхание лета, волнующий запах жизни, одушевлявший природу и все сущее? Или сентиментальные наития умудренного возраста, отзывавшиеся в сердце протяжным напевом свирели? А может, туманили глаза далекие воспоминания о безвозвратной поре?

Да, воспоминания. Он любил предаваться этой сокровенной памяти, которую лелеял в тайниках души, хранившей в себе свежесть, веселую удаль молодых лет, к которой примешивалась горечь недостижимости, неповторимости. Рахман любил, уединившись на природе, тешить воспоминаниями душу, тосковавшую по нежности, заботе и любви. Бывало, запершит в горле, зальется слезами, как дитя, выплечет боль и тоску свою. В одиночестве - можно, никто не заметит.

Но были свидетели, не только видевшие, но и понимавшие, сочувствовавшие ему: высокие дубы, шатром закры-

вавшие небо, березы, грабы, вязы, достававшие нижними ветвями до его головы, ласкавшие седеющую копну волос, казалось, и птицы прерывали свои веселые гимны, и шмели жужжали тише. Рахман ощущал этот ответный отзвук и был благодарен.

Лес, еще недавно шумный, по-летнему веселый, вдруг притих. И когда до него дошел смысл заполнившей всю округу тишины, на глаза набежали слезы. Чуть приподнявшись он вложил пальцы в рот и издал затейливый свист, напоминавший соловьиную трель. Тишина. Но только на миг. Птицы отозвались на его голос ликующе и дружно. Он удовлетворенно улыбнулся и, подняв маленький топорик и ружье с земли, тяжелым шагом вышел из лесу.

Вдруг за спиной раздался рев. Оглянувшись, шагах в десяти Рахман увидел огромного медведя, ставшего на дыбы, тарасившего на него яростные глаза.

Его прошиб холодный пот. Жутко. Хотел было закричать, да что проку. И ружье вскинуть не успеет - зверь наверняка опередит прыжком.

Так и встали, уставившись друг на друга, как бы предоставляя право первого шага противнику. Рахман отбросил топорик. В ответ медведь опустил одну из передних лап.

- Иди своей дорогой, - подавляя страх, вкрадчиво проговорил человек. - Я тебя не трону...

Похоже, зверь понял. Потер лапой морду и недовольно зарычал: "Может, это он за ружье сердится?" Рахман оставил и двустволку, чуть подался назад, выжидая, чем это обернется. Медведь опустил на все четыре лапы. Через мгновение, о чем-то подумав, зверь повернулся и убежал прочь.

Только сейчас Рахман услышал, как колотится сердце, и ощутил дрожь в коленях. Всмотрелся туда, где скрылся зверь. Вдруг его до смеха развеселила мысль: "А кто кого больше испугался?"

Идет дальше, а перед глазами - вставший на дыбы зверюга с яростными глазами. Повезло. Будь раненый - несдобровать

бы. "Да.., - подумалось. - Бывает, со зверьем легче договориться, чем с людьми". Вспомнился прошлогодний похожий случай. Прилег он однажды под деревом и задремал, а когда открыл глаза.., похолодел: рядом змея - гюрза. Вскинув голову, внимательно изучает, да еще язык то и дело высовывает, занятно так пошевеливает. "Ужалит", - промелькнула мысль. Страшная оторопь прохватила его. Память уносила дальше, в детство: послали его однажды в подвал за мукой. Потянулся он за корытом и вдруг резко одернул руку от прикосновения к чему-то холодному: в углу свернулась змея. Ох, и завопил он тогда. Подоспевшая мать успокаивала: "Змею не тронешь - вовек не ужалит". Потом, намазав на хлеб масло, осторожно положила перед змеей, дескать, мы тебе худого не сделаем. Через час змеи в подвале уже не было.

Вот и в прошлом году, при встрече с гюрзой, вспомнил тот случай, что и придало ему смелости. Он ласково сказал:

- О, тварь Божья, я тебя не трону, и ты не тронь меня, уходи, ползи себе...

А гюрза, не меняя позы, продолжала глазеть.

- Послушай меня... Как пришла, так и уходи. Ну, что ты выгадаешь, ужалив меня?..

Змея не сводит с него взгляда, а Рахман все говорит, уговаривает, боится остановиться, чего доброго, замолчит, и гюрза бросится в атаку... Так вот и говорил без умолку, продолжал уговоры - переговоры, не видя иного выхода. Наконец, похоже, устав слушать, змея опустила голову и уползла прочь.

Много всякого приключалось с Рахманом, пока лесничим работал. Вспоминал, как всю ночь в окружении волчьей стаи в поле провел, как в лесу в заросший колодец угодил и два дня промаялся в нем, пока сельчанин, отправившийся по дрова, его не вызволил, как весной его настиг хлынувший с гор сель - еле выкарабкался... Всякое случалось. Он считал происходившее с ним привычными страницами жизни.

В лесники подался еще зеленым юнцом. Услышал от друга-лесничего Амирхана, что есть такой у них участок, не мо-

гут полгода туда охранника подыскать. Участок был недалеко от райцентра. Вот и повадились охотники губить лес задарма. Рахман и вызвался служить. Первые полгода сна и покоя не знал, ни перекусить толком, ни передохнуть. Топал на своих двоих по горам, по долам, успевай только обувь менять. Ухитрился из покрышек себе вроде "мокроступов" сработать, да и такая самоделка выдерживала лишь месяц. Приходилось и босым ходить-бродить. Выбивался из сил, а голод - не тетка, до жилья не доведет, вот и ночуй в лесном царстве. Зла не хватало на браконьеров - рубили лес нещадно, с четырех сторон. Прежде сельчане не принимали всерьез рослого, плечистого парнягу с горящими глазами. Рахмана бесила бездушная алчность этих людей: порой ради одной балясины могли перерубить дюжину деревьев - какое получше, поровнее - унесут, а остальные - пусть себе валяются. На дрова в лесу сухостоя навалом, а им подавай живое, молодое дерево.

Тогда Рахман дал себе слово: или добьется порядка, или уйдет с работы. Через полгода он уже знал чуть ли не каждую пядь, каждый уголок в лесу. Знал, где вероятнее всего могут затеять незаконную рубку. Потому чаще наведывался на такие участки. Появлялся неожиданно то тут, то там.

- Сколько ж у нас в лесу Рахманов? - дивились дровосеки.

Как-то в полночь возвращался из Худата. Вдруг - стук топора. Кто это, на ночь глядя, орудует? Ведь обычно по дрова ходят днем. Впотымах не поработаешь. Двинулся на шум. Пятеро. Включили фары - и "трудятся": грузят в кузов срубленные днем деревья.

- Документы у вас есть?

Голос его прозвучал в ночной тишине как выстрел.

Мужчины замерли, но не отозвались.

- Есть, спрашиваю, разрешение на вырубку?

Один из ночных гостей спросил удивленно:

- Ты что, и ночуешь в лесу?

- Когда надо - и ночую.

- На, возьми себе на харчи и ступай своей дорогой. Не мешай работать. - Высокий, чернявый мужчина лет под сорок протянул ему бумажку.

Рахман круто осадил:

- Убери. Я не нуждаюсь в твоих грошах!

- Не гроши, а "стольник"! Между нами говоря, ты и за месяц, топая тут, сотню не накрутишь.

Поняв, что уговорами лесника не проймешь, перешли к угрозам. Рахман взвел двустволку.

- Будешь болтать лишнее - угощу!

- Слушай, Рахман, отпусти-ка ты нас с миром. Уйдем, и дров твоих нам не надо, - сказал самый старший.

- Утро вечера мудренее.

- А чего ждать до утра?

- Сведу и сдам вас в управление, уплатите штраф за незаконную рубку - тогда и отпустят.

Видя непреклонность лесничего, нарушители стали устраиваться на ночь - кто где. На утро, разбудив их чуть свет, Рахман велел заводить машину, а сам сел в кузов с четырьмя "гостями". До райцентра ни словом не перекинулись.

У лесного управления Рахман соскочил на дорогу:

- Ладно! Езжайте! Но если еще попадетесь, пеняйте на себя.

***

Ворота были заперты. Чтобы не будить домашних, Рахман перемахнул через забор. На цыпочках пробрался на застекленную веранду. Двери в комнаты были заперты. Он прилег на диване, чтобы не будить жену. Так и уснул.

Разбудил его голос Маисы:

- Я кас*, ложись спать в комнате! Когда объявился?

- В пять утра.

- Выспался бы уж, а потом приходил.

Он сразу уловил укор в словах жены, но не подал виду. Прошел в комнату, разделся, лег в свою постель, но сон уже не шел, да и грохот посуды на кухне не давал уснуть, вдобавок

Маиса громко хлопнула дверью. Рахман встал, оделся.

- Приготовь поесть, со вчерашнего дня крошки во рту не было...

- Как же тебя голодным отпустили то? - поддела Маиса мужа.

- Опять ты за свое?

- Почему снова я? Это ты весь в бегах. Дома сутками не бываешь, к очагу своему охладел. Не подумаешь: жена у меня, ребенок, может, у них забота какая. Вся округа знает, где ты ходишь - гуляешь.

Рахман уставился на жену, не зная, что и ответить. Завелась, знай себе, песочит, пилит. Пусть выговорится, отведет душу. Ждал, ждал - не дождался. Вдруг он с силой грохнул кулаком по столу:

- Хватит!

Кажется, проняло: примолкла. На шум проснулся Джалил и вытаращил испуганные глаза. Рахман очень соскучился по малышу, но сейчас ему было не до сантиментов. Надел сапоги и вышел. У ворот услышал:

- Ступай в свой лес - туда тебе и дорога, к зверью! - Потом вдогонку понеслись традиционные проклятья:

- Чтоб тебя змея ужалила! Чтоб живым не вернулся... Чтоб...

Рахман огляделся по сторонам: хорошо хоть никто из соседей не слышал. Быстро перешел дорогу и двинулся прямоком к лесу. Вот и последний дом. Дальше опушка. Обрадовался - вот его отдушина, заветное пристанище.

Дошел до опушки, распластался на зеленой-презеленой траве. А на душе кошки скребут. Тоска жжет - остудить бы. Сейчас он ощутил со всей остротой: нет горше и больнее пытки на свете, чем боль непонимания, недоверия. Самое жуткое - некому поведать печаль, излить душу, не от кого услышать доброе слово и утешение. Натерпелся, намучился он с Маисой за годы семейной жизни, а такой отчаянной тоски до сих пор не испытывал. "Стерпится-слюбится" - не про них. Время все больше отделяло их друг от друга. Никогда Маисе не

узнать было, что у него творится на душе, в ее потаенных уголках. Она и не пыталась узнать, угадать, проникнуть. И он привык к этой глухоте. А эта ее мнительная ревность... Похоже, ревновала она его чуть ли не к лесу, зверью, деревьям... Маиса никак не могла осознать его привязанности к своему делу, одержимую преданность долгу, истолковывая все это на свой лад.

По натуре Рахман был впечатлителен, раним, нуждался в добром слове, участии, да вот не любил выворачивать душу, исповедываться, первым идти на контакт, - потому никто и не мог с ним сблизиться, прикипеть к нему сердцем. Может, и с Маисой он бы столкнулся, нашел бы общий язык, не будь таким замкнутым. Кто знает, родись у них ребенок пораньше - холодок между ними не зашел бы слишком далеко, и все стало бы на свои места.

Радость родительства, отцовства пришла к нему после десяти лет томительного, тоскливого ожидания. А как он был потрясен, когда и новорожденный малыш, и жена оказались инфицированы сепсисом. Долгое лечение в столице не принесло результатов. Отчаявшись, они вернулись в райцентр.

Сердце у Рахмана кровью обливалось, когда он глядел на прикованное к постели крохотное создание, лишенное движения. Только глазенки являли признаки жизни существа, которое не могло даже заплакать, таявшего на глазах, издававшего писк, похожий на кошачье жалобное мяуканье... Он злился на себя за собственное бессилие.

Последние дни малыш ничего не ел, температура не спадала, и казалось чудом, что он еще дышит. "Измучился, бедняга... О, Боже, исцели его или избавь от мучений..." Но когда он представил, как это беспомощное существо предают земле, мороз пробежал по коже. Ведь это было маленькое солнышко, взошедшее в его жизни, унявшее мучительную смуту в его душе, придавшее смысл его существованию... Этот малыш, его кровинка когда-то должен проводить отца, давшего ему жизнь, в последний путь. Только так. Но болезнь

грозила лишить Рахмана единственного сына, его продолжения, его бессмертия...

Сердце сжалось, защемило от этой жуткой мысли. Глянув на кроху и на лежавшую рядом с малышом бледную жену, истощенную хворью до неузнаваемости, он молча вышел из дому. Раздумывать было некогда. Нельзя было мириться с грянувшей бедой. За два дня он обошел весь район - село за селом, двор за двором и вернулся домой с сумкой, набитой всевозможными высушенными целебными травами, наслушавшись бабушкиных наказов: что и как настоять, какие отвары приготовить, как их принимать. Взятся за дело и вскоре почувствовал перемены к лучшему, и у сына, и у жены. Жар спал, вернулся аппетит. Через пару месяцев и вовсе не узнать было больных. Соседи и родня не могли поверить в это чудесное исцеление. Того, чего не смогли сделать врачи, добился Рахман. А сам уверял всех, мол, никаких тут нет чудес, а только народный опыт, накопленный за многие века. Кто-то верил, а кто-то подозревал колдовские чары, ворожбу.

С той самой счастливой весны Рахман "заболел" народной медициной. В лес, в горы без сумки не ходил, собирал травы, цветы: мать-и-мачеху, холодянку, чистотел, шиповник, липовый цвет и несметное множество иного целебного зелья. Аккуратно сушил, укладывал в склянки и хранил. И если дома кто занедужит - уже не бежали в аптеку или к врачу - народная медицина выручала. Рахман сызмала, еще со слов бабушки, знал о врачующей силе родной природы, да и не только со слов, - бабушка всех лечила травами, и при простуде, и если сыпь какая, и от малокровия, и прочей напасти. Дома никаких уколов, кроме обязательных прививок, и таблеток не знали.

Выздоровела семья, - так соседи и зачастили к Рахману за советом и помощью. Он никому не отказывал. Бывало, иной эскулап с дипломом не может с болячкой чьей-то управиться, а он пару раз перевязку с подорожником сделает - и будь здоров. Против кашля у него настои, отвары. Вылечит человека - рад донельзя, и никакой такой корысти. Не тот чело-

век Рахман, "пациенты" ему как родные. Предлагали деньги, подарки - обижался. Маиса же злилась:

- Дома у тебя хоть шаром покати, а ты корчишь из себя благодетеля. У нас много чего не хватает. Думаешь, на руках носить тебя будут? Держи карман шире! Тоже мне, богатеи!

Маиса гнула свое, а Рахман не мог переломить себя, переиначить, брать мзду за добро.

- Думаешь, все тебя поймут, оценят? - продолжала долдонить жена, видно, зря. По сути, ее тревожило не бескорыстие мужа, а то, что к нему зачастили сельчане, преимущественно сельчанки, чаще молодые. Рахман был хорош, притягателен, ему и черная борода шла, и в глазах какая-то загадочная тайна. Маиса же, тощая чернушка, ревновала...

Как-то раз пожаловала жена соседская, Зумруд. Видите ли, болячка у нее на руке завелась. Так ей, Маисы благоверный, два дня кряду перевязку делал, снадобьем каким-то ручку смазывал. Наконец, болячка рассосалась...

Но Маиса припомнила ему, как он, понимаете ли, глядел на нее дольше положенного, руку ей разминал, растирал подозрительно, да еще видите ли, чего-то ей на ушко нашептывал... После такого обвинения Рахман не на шутку обиделся и разговаривать с женой перестал. Потому что на самом деле все было иначе. Да, хороша была соседка, писаная красавица, но не такой человек был Рахман, чтобы на чужую жену заглядываться, да еще при своей, кроме того Зумруд была женой Агшина, с которым Рахман съел не один пуд соли. Если на то пошло, он даже глаз на нее не поднимал, ну, разве что на секундочку, не дольше, но чтобы пялиться, глазами пожирать - это могло привидеться только в больном воображении!

Вот потому и охладевал Рахман к дому, к очагу. Лишь на службе чувствовал себя спокойно, в своей тарелке. Но и это спокойствие было относительным, так как о нем, знавшем назубок каждую тропу в лесу, берегшем лес как свое кровное добро, уже пошла разноречивая молва. Казалось бы, в таком леснике души бы не чаять, нет же, шушукались кумушки, будто

он ворожкой занялся, с нечистой силой знается, судачили, что у него с головой неладно, что от жены злыдни в лес подался... Впрочем, в этой последней версии была доля истины... И прозвища наводумывали: "колдун", "леший", "полуночник", "дервиш"... Доходили до него эти слухи. Поначалу обижался, душа болела из-за злорадства людского и неблагодарности. А после - привык, чешут языками, ну и пусть.

...Голод постепенно лишал его сил. В глазах плыл туман. Сбравшись с силами, он поднялся и зашагал к лесу. В дубраве, в укромном уголке у него была сторожка, сам сработал из камыша, а внутри устлал и обложил звериной шкурой. Летом - спасение от жары, зимой, осенью - пристанище от холода. Здесь и ночевал почасту, держал прозапас продукты, готовил еду на керосинке.

Добрался до сторожки, вошел. Поднял крышку котелка - там буханка. Срезал заплесневелые части и разрезал на ломтики, достал сыр, перекусил. Затем умылся у родника возле сторожки, напился всласть студеной, чистой воды.

Вернувшись в сторожку, прилег на тахте и сразу забылся глубоким сном.

Проснулся он, когда уже смеркалось. Вдруг защемило сердце от смутной, неведомой доньне тревоги. Не по себе ему стало в лесу, привычном, исхоженном вдоль и поперек за долгие годы. И тоска эта была по живой человеческой душе. Хотелось поделиться с кем-то печалью, облегчить душу, скинуть с нее камень давившую тоску.

Медленно побрел он к опушке и направился в райцентр. Свернул не к нижним кварталам, к дому, а в сторону верхней части. Миновав продмаг и задержав шаг у изгороди, обвитой розовыми кустами, осторожно приоткрыл калитку, заглянул во двор. Никого. Окликнул:

- Эй, есть кто-нибудь?

По ту сторону показалась женщина. Глаза красные, заплаканные. Узнав Рахмана, она радостно всплеснула руками:

- О Боже! Добрый человек к нам пожаловал!

- Здравствуй, Сарвиназ! - У него запершило в горле.

- Салам, Рахман халу*. Какими судьбами? В кои-то веки вспомнил про нас... Когда Адиль был с нами ты нас чаще навещал. А теперь вовсе позабыл...

- Сама знаешь, негоже захаживать в дом, где нет мужчины.

- Так ты же не чужой. Помнишь, когда он уходил - нас тебе вверил?

- Верно. Виноват. Но сколько раз порывался проведать, останавливала мысль: люди это по-другому истолкуют. Пойдут пересуды.

- Никто ничего не скажет. Ты в этом доме - свой. Адиль тебя любил как брата родного. Не веришь - покажу письмо.

Она достала из кармашка фартука свернутый вчетверо листок. Он глянул краешком глаза.

- Что пишет? Какой срок ему дали?

- Восемь.

- Что ты говоришь? Потому, вижу, слезы.

Сказал это с сочувствием, но она поспешила сменить тему.

- Ну что стал у ворот? Ради Бога, входи. Пусть и дети порадуются. С тех пор, как Адиль арестовали, никто к нам не ходит.

- Рахман халу пришел, Рахман халу!

Шестилетняя пухленькая Нигяр кинулась к нему в объятия. Рахман подхватил ее, чмокнул в щечку. Девчурка надула губки:

- Почему ты не приходил?

- Соскучилась?

- А как же!

- Взяла бы маму и пришла б к нам.

- Я-то хотела, а она ни в какую.

Вышли на голоса Азер и Габиб.

- Ну как вы, орлы? Как жизнь молодая?

- Хорошо...

- Скоро вам в школу. Готовьтесь, как следует.

Появление Рахмана вызвало оживление в доме. Маленькие "почемучки" засыпали его вопросами. И он тер-

пеливо отвечал им, какое в лесу зверье водится, какие птички поют, какие грибы растут, какие съедобные, а какие нет...

- Ну, хватит изводить Рахман халу. Ступайте играть. Человек с работы пришел, дайте ему передохнуть.

Сарвиназ вывела детишек во двор.

Рахману было чему позавидовать в этом доме. Прежде всего - скромность и послушание детей. Слово матери - закон для них. Самое странное, что такой исполнительности он не замечал при Адиле. Сарвиназ же не повышала голоса, не покрикивала, а вот, поди же, слушаются.

Вспомнилась ему свадьба Адиля и Сарвиназ. Да и не сама свадьба, а события, происшедшие накануне, за неделю...

...Полночь. Стук в дверь. Кого это принесло, на ночь глядя? Вышел. У ворот стоит Адиль, съезжившийся от холода, взвинченный.

- Одевайся, пойдем со мной!

- Что стряслось?

- Потом объясню! Шевелись! Накинь на себя что-нибудь.

Оделся, вышел с другом на улицу. Дойдя до угла, Адиль показал на двух лошадей, привязанных к стволу карагача.

- Поедем в Яргун.

Это в тридцати километрах от райцентра, родное село Адиля.

- Чего тебе приспичило на ночь глядя?

- Невесту умыкнем.

- Чего-чего?

- Через неделю у нее свадьба..., за другого выдают.

- Ты что, спятил? Негоже на чужую невесту зариться.

- Целый год отец обивал их порог, а все от ворот поворот получал. А сейчас, видишь ли, обручили с голодранцем.

- А девушка-то как, хоть благоволит к тебе?

- Стерпится, слюбится, - уверенно сказал Адиль. - Не женюсь на ней - умру.

Этим было сказано все. Рахман понял, что у друга творится на душе.

- Ладно. Поехали.

Доехали далеко за полночь. Уже и петухи запели, правда, малость перепутавшие "график". Псы, учуявшие ночных пришельцев, подняли лай. Потом воцарилась тишина, которую нарушал только цокот копыт.

- Кто у них дома?

- Никого. Родители в райцентр уехали за свадебными "заготовками", вернутся завтра.

Доехав до дома, Адиль вдруг растерялся от волнения.

- Что с тобой? - Рахман ухватил его за похолодевшую руку.

- Возьми себя в руки.

- Я тебя у ворот подожду... Ты ее выведи... и рот заткни платком, чтоб не кричала.

Мешкать было нельзя, скоро рассветет, соседи заподозрят, засекут. Рахман соскочил с седла, перемахнул через дощатый забор, прошел во двор и вдруг наступил ногой на что-то мягкое. Раздался оглушительный кошачий визг. Он резко отпрянул, а кошка молнией перескочила через забор. Он подкрался к дому. Дверь на застекленную веранду была заперта. Толкнул раз, другой, изо всех сил, взломал. На двух внутренних дверях - замки. Значит, она - в третьей комнате, тоже запертой. Чуть потрудившись, открыл и ее.

При виде девушки, забывшейся безмятежным сном в цветастой ночной рубашке, с волосами, разметавшимися по подушке, Рахмана словно громом поразило. Богиня! Белое лицо, черные длинные ресницы, точеный нос, пухленькие губы. Не ведающая об опасности спящая красавица на миг околдовала его. Впервые, увидев такую прелесть, он растерялся. Вдруг странная ревность больно кольнула в сердце. Но это длилось лишь мгновение.

Он схватил полотенце со спинки кровати и зажал ей рот. Проснувшись от грубого прикосновения девушка открыла глаза, и в них вспыхнул ужас. Рахман связал ее руки, подхватил и понес прочь. Пьянящий запах теплого девичьего тела вскружил ему голову. Вышел.

Предрассветная свежесть прохватила его, и Рахману стало не по себе от беспомощной дрожи живой ноши.

У Адилья, увидевшего его с пленницей, лихорадочно загорелись глаза. Рахман, не глядя на друга, хмуро уложил девушку к нему за спину и, вскочив на свою лошадь, дернул за поводья. Вскоре они уже были за околицей.

Вдруг Адиль растерянно обернулся:

- Куда же я ее повезу?

- Как куда? К себе домой!

- Дома у нас народу полно! И свои, и гости.

- Раньше надо было думать! - Рахман рассердился.

Ехали молча, ломая голову, как быть. Наконец Рахман нарушил молчание:

- У меня в лесу сторожка. Можно там переждать пока уляжется шум.

Такое вот пристанище.

Долго он будет помнить слова, сказанные ему наутро давящейся от слез Сарвиназ:

- Когда этот дикарь... решил... умыкнуть меня... Как ты не убоялся Бога! Хоть бы подумал, что он мне в отцы годится!

Потупился Рахман, отмолчался! Но впоследствии не раз клял и корил себя за содействие и потворство. Грубый, неотесанный Адиль никак не подходил этой ангелоподобной молодой женщине. Вдобавок, Адиль привередничал, изгалялся над ней, руку поднимал, - похоже, черпая в этом удовольствие. Не раз Рахману приходилось вырывать ее из рук расвирепевшего муженька.

- Что ты житъя бедняге не даешь? - спросил он как-то возмущенно.

- Пусть боится меня. А то еще начнет глазки строить встречному-поперечному...

- Уймись. Цени свое счастье, - пытался он урезонить друга. Но Рахман знал, что при всем при этом Адиль безумно любит свою избранницу, уж такая у него натура, от избытка чувств себя не помнит.

- Что ты призадумался, Рахман халу? - голос Сарвиназ прервал его воспоминания. - Уже и чай готов, угощайся, вот варенье и мед.

Аромат чая, заваренного на чабреце, заполонил комнату. - Чуюло мое сердце, что придешь, - продолжала хозяйка. - Я и хинкал нарезала, за пару минут приготовлю. Вы же с Адилем обожаете хинкал.

- Не утруждай себя. Выпью чаю и пойду, - попытался возразить Рахман.

Вскоре на столе появился хинкал, аппетитно благоухающий, и мацони с нарубленным чесноком впридачу. Тут уже пришлось забыть про церемонную деликатность. Большая тарелка опустела. Он виновато вскинул глаза:

- А самой-то что осталось?

- Мы с детьми - после. Теста раскатала вдоволь... - Выдержала паузу, и, понизив голос, спросила: - Что с тобой, Рахман халу?

- А что может быть?

- Не таи. Вижу, ты не в себе. Исхудал, глаза запавшие... Выговорись, облегчи душу.

Но Рахман переменял тему. Вскоре он поднялся и попрощавшись с хозяйкой и ребятишками, ушел. И, странное дело, тоски, камнем лежавшей на сердце, как не бывало. Поровнявшись со своим домом, он задержал шаг и, немного подумав, прошел мимо.

Прошло уже изрядно времени, как он не появлялся дома. Поначалу, правда, томился по Маисе, по Джалилу. А теперь и вовсе не тянуло домой. После посещения Сарвиназ в нем что-то переменялось. За шесть месяцев со времени ареста Адиля он переживал за друга, остро ощущая его отсутствие, а вот навестить его семью все не решался. Хотя когда Адиль бывал дома - другое дело, частенько наведывался.

Теперь Рахман со смутной тревогой на душе осознавал, что влекло его в этот дом не столько из-за Адиля, сколько

из- за Сарвиназ. Словом перекинешся - радость, поглядишь - душа оттает, а попотчует - так праздник. Маисе до такой готовности далеко, и захочет - не получится. Она и сама признавала это кулинарное превосходство и после совместных посещений дружеского дома всегда говорила об этом. Впрочем, в глубине души она питала неприязнь, если не сказать ненависть к Сарвиназ. Больше всего ее злила красота женщины. И всякий раз эта тайная злоба оборачивалась скандалами с мужем, придирками по пустякам. Вернутся домой - и словно Маису подменили, что ни слово - яд, спросишь - огрызается. Рахман догадывался об истинной причине ее гнева и потому отмалчивался. Когда уж совсем не в состоянии станет, то предпочитал уйти с глаз долой. Чтобы избежать этих тягостных сцен он в последние годы навевался к Адилью один, без Маисы. А ее, кажется, это устраивало, чего беречь рану, зря себе нервы трепать.

Когда Адилья посадили за растрату, больше всех переживал Рахман. Не только из-за друга, но и из сострадания к участи Сарвиназ... И хотя сказать об этом он бы никому не решился, даже самому себе признаться боялся, но это было так. Потому вдруг и перестал ходить в дом друга. Но на сей раз, навестив горемычный дом, он понял, что не сможет жить, оставаясь в неведении о Сарвиназ, не зная, как живет ей и детишкам.

Вдруг он вспомнил соседа Сарвиназ, овдовевшего пять лет тому назад Мамеда. Не раз замечал, что вдовец из-за плетня подглядывает за Сарвиназ. Да она и сама об этом знала. Потому, когда Адилья отлучался из дому по делам, обязательно оставлял для присмотра за ним кого-нибудь из родственников.

Впервые за полгода он подумал о назойливом соседе. Не пристаёт ли к Сарвиназ, оставшейся без мужа, с детьми - мал мала меньше?..

Эта мысль обожгла его, и он почувствовал удушье. Впервые так остро ощутил укор совести, подумав о беззащитной

женщине.

Была полночь... Он и не помнил, как выбрался из леса, когда добрался до ворот дома Адила. И ужаснулся от картины, представшей перед ним: Мамед стоял во дворе у дверей, а перед ним - Сарвиназ, со вскинутой двустволкой.

- Брось ружье! Брось, говорю! - Голос у Мамеда дрожал, видно струхнул.

- Я тебя сейчас застрелю, сукин ты сын! Дорого тебе обойдется, что у чужих дверей, шкодливый кот, шляешься!

- Послушай, да я же тебе никакого зла не причинил! Восемь лет без мужчины, не век же вековать одной...

- Ах ты, подлец! Да если на всем свете только мы вдвоем останемся, я и смотреть на тебя не стану. Тьфу!

Мамед не успел ответить. Кулак Рахмана уложил его.

У Мамеда из носа хлынула кровь. А Рахман все не может остановиться в бешенстве от гнева.

- Хватит, Рахман халу, не убивать же его, - Сарвиназ с трудом остановила его.

- Послушай, гад! Ты, похоже, счел, что нашел легкую наживу? Заруби себе на носу: впредь духу твоего здесь не будет. Или... пеняй на себя.

Мамед поднялся и рванул было к плетню.

- Нет, не через плетень, в дверь выходи! - крикнул вдогонку Рахман. Тот повиновался.

Только сейчас он заметил, как побелела лицом бедная женщина. Руки у нее тряслись. Он взял ее под локоть и повел в дом.

Чтобы не разбудить спящих детей, спросил полупшепотом:

- Давно он повадился?

- Как взяли Адила - ни сна, ни покоя мне нет. Хотела было в милицию пожаловаться, да раздумала: пойдут чесать языками, ославят, тогда уж лучше и не жить, - сказала она давясь слезами. И Рахману стало ясно, что ей пришлось пережить. Искал, чтобы ей такое сказать утешительное, но не находил слов. Так и сидел, молча слушая ее. Наконец,

признался:

- С утра сердце щемило, места себе не находил. Видно, неспроста... Чужал, значит, беду...

Она устремила на него благодарный взгляд.

Посидев еще немного, он поднялся.

- Пойду... Пора мне... Ложись-ка спать и ничего не бойся. Впредь он и краешком глаза не посмеет взглянуть на тебя. И я уж почаще стану наведываться к вам.

- Да, ради Бога, Рахман халу, не забывай о нас. В дом без хозяина много всякой твари заползает.., - сказала она с горестным вздохом.

Он дошел до своего дома, сердце заколотилось, заныло, - на сынишку захотелось взглянуть. Прошел во двор, поднялся на веранду. А подойти к кроватке мальчика не решился. "Разбужу ненароком. Пусть спит. До утра недолго..."

Ночь нависла над округой, как тяжелая дума. Вблизи квакала лягушка. Как всегда, это монотонное песнопение безобидной твари наводило на него смутную тоску. Опершись на перила, он впился глазами во тьму.

"Ну, чего тебе нейметса, квакушка? Чего не спитса? Или тебе тоже спать не дают? Может, и ты тоскуешь, как я, по детенышу своему? Или другая у тебя забота-печаль?.."

Вдруг тишину нарушил цокот копыт. Он узнал седока: это был соседский мальчуган Махир. Не бывало дня, чтобы не возвращался домой на взмыленном коне. За эти шалости то и дело драли ему уши и отец Агшин, и мать Зумруд. "Чертенок! - губы Рахмана тронула улыбка. - Загоняет ведь лошаденку..." - Подумал и позавидовал: "Эх, быть бы мне на твоём месте... Без забот, без печали..."

Вспомнил свое детство. Для него, мальчишки, не было большей радости, чем верховая езда. Да и гнедой у них был резвый бегун, ничья лошадь не могла угнаться за ним. Но случилась беда: змея укусила коня. Корчился, бился, бедняга, от боли, стонал почти по-человечески, а потом обессилел, упал и затих... Наутро похоронили гнедого за околицей, на

цветущей поляне. Рахман нарвал цветов и осыпал свежий холмик. Ревмя ревел . Родители никак не могли утешить, успокоить его.

Потом ожила перед глазами Маиса. В те времена росли у них перед домом плакучие ивы, обвитые ветвями паслена. Ребятишки день-деньской лакомились ягодами. Как-то они с Маисой вскарабкались на иву. Рахман, всласть наевшись ягод, спустился, принес топорик-дахру и стал им бить по стволу, делая вид, что хочет срубить иву. Маиса взвыла: "На помощь!" А Рахман, знай себе, размахивает топором и кричит: "Сейчас срублю под корень!" Так и пугал Маису, заставляя ее кричать, пока не подospel отец и не отобрал у него орудие.

В те времена, бывало, день-деньской игрался с этой девчонкой, которая и сама резвостью и озорством мало чем уступала мальчишкам. Впрочем, Маиса - девочка была покладистая. А после, годы спустя, как вышла за него замуж, стала ворчливой занудой, не узнать было прежнюю егозу и озорницу.

Теперь, думая обо всем этом, у Рахмана в душе пробуждалось чувство жалости к ней. И он уже каялся за недавнюю гневную вспышку. Войдя в спальню, он разулся, разделся и, осторожно откинув одеяло, лег рядом с Маисой. Потом так же осторожно обнял ее. Та, оказалось, не спала, молча отозвалась на ласку и прижалась к нему...

ГЛАВА II

В лесу первыми привечают утро птицы. Похоже, проснулся раньше всех. Распахнул дремотные глазки и озирается. И вдруг - фырр! - вспорхнул другой пернатый житель леса. Кто бы это мог быть? Ну, конечно, фазан. А тут взвилась на веточку липы иволга и что-то звонко стала тараторить соседке. В народе ее окрестили "сплетницей". Вот и пошла "чесать языком", а соседка вся обратилась в слух.

Погодя зазвенел жаворонок, затем "заговорил" вьюрок, перепел. Идет Рахман по лесу, раздвигая кусты, травы, а те покачиваются, будто здороваются.

"Что же соловушки не слышать?" - обеспокоился он. И тут полилась знакомая трель, взхлеб залился певун, за душу хватала соловьиная исповедь.

Вдруг у тропы оглушительно заверещала сорока. Он даже опешил от неожиданности.

- Что раскричалась? - невольно вырвалось у Рахмана. Сорока хлоп-хлоп крылышками, прыг да скок. - Ну и паникерша! Да скажи же толком, чего тебе надо?

А сорока все мечется. Подошел Рахман поближе и понял: из-под дуба на него взирал птенчик, слабым писком звавший маму на помощь. Рахман вскинул голову и, увидев трех сорочонков, сообразил, в чем дело. Незадачливый малыш выпал из гнезда и угодил в грудку опавших листьев.

Подобрал птенчика, погладил крылышки. А сорока-мать вконец всполошилась, подлетела вплотную, крик подняла.

- Придется ради тебя на дерево вскарабкаться, - сказал Рахман вслух, - не бойся, водворю твоего малыша в гнездышко целым и невредимым.

Поднялся. Птенцы в гнезде запищали вовсю. Опустил бережно их собрата и - вниз, цепляясь за ветки плюща.

Сорока-мать захлопала крыльями на радостях, издавая удивительные восклицания.

- Ну, успокоилась?

Рахман, довольный своим вмешательством, присел под деревом, понаблюдать за сорочьим семейством.

Мать с поживой крутит вокруг гнезда, а желторотое потомство, разинув клювики, ждет в нетерпении, кому что перепадет. Вдруг он недобро взглянул на плющ, обвивший ствол дуба.

"Ишь, оплел! Дыхнуть дереву не дает!" Почему-то все эти вьюны норовят к дубу подобраться. "Рядом с дубом надежнее", - подумал Рахман.

Он уловил знакомый тонкий запах. Оглядевшись, заметил выглядывавший из-под сухой листвы лесной ландыш. Нагнулся, вдохнул аромат - хмельной, волнующий. Почему-то этот беззащитный благоухающий цветок напомнил ему Сарвиназ, когда пришлось ради друга умыкнуть ее, сонную, испуганную, дрожавшую от страха и холода, в одной ночной рубашке, так же волнующе-благоухавшую, как это лесное чудо...

После недавней встречи он почувствовал некое облегчение и успокоился. Одиночество, сопутствовавшее ему издавна, как неразлучный друг, теперь, казалось, сладостным. Несказанная красота Сарвиназ, ее хрупкий стан, большие серо-зеленые глаза, тихий, струящийся смех согревали Рахмана в его одиночестве и неприкаянности.

Рахман сызмала рос нелюдимым тихоней. Сверстники куролесят, резвятся, а он, глядишь, уединится в укромном уголке, предавшись смутным мечтаниям. Подростком, как и все ровесники, во время летних каникул он включался в колхозную страду. Наступал обеденный перерыв, все отдыхают, а он подается за межу, к разнотравью, ходит, высматривает цветы, разглядывает: "Заговорили бы вы со мной - я бы знал, от какой напасти-хворобы какой из вас помогает..."

Бабушка заметила интерес внука к травам и брала его с

собой, когда ходила за целебным зельем. Окликнет поутру, а Рахман уже на ногах. Прихватит хлеб с сыром - и в путь-дорогу.

- Баде*, что ты там собираешь?

- Это ятрышник, детка. Он разный бывает. Я знаю пять-шесть видов. А для снадобья годится только здешний, наш.

- А почему?

- Потому что только у него состав такой полезный.

- Откуда ты это знаешь?

- От стариков.

- А они?

- А им их деды и бабки рассказали. Вот придет время - и ты своим детишкам, внучатам вразумишь...

- Но я ничего в этом не смыслю.

- Поживешь - узнаешь. Научу. Вот это, гляди, барбарис.

- А... ты из него отвар готовишь... вперемешку с луком. Такая красная кислятина...

- Верно. Но это - лекарство от многих хворей... А вот пушистый цветок - одуванчик. В наших краях его называют "неклед хъач"**. Видишь листочки эти с прожилками, по земле стелются. Подорожник. Приложи к ране - заживет.

- А как?

- Забыл? Помнишь, нарыв у тебя на ноге был, а я приложила подорожник, перевязала, через день - рассосался... А вот - шишник, рядышком - душица, а вот там... видишь кустик с ягодами желтыми? - Облепиха.

Маленький Рахман дивился бабушкиной цепкой памяти. Как она запоминала такую уйму названий! Мало того, - знала, как и когда собирать, сушить, пускать в дело.

- Целебную траву надо собирать в глухих местах, куда не ступала нога человека. И чтобы скотиной не тронутая была. Иначе не то получится снадобье. У одних растений надо собирать молодые побеги, у других - цветы только годятся, а есть такие - только корни нужны..., - терпеливо растолковывала бабушка.

Возвращались домой с набитыми мешками. Бабушка на задворке переберет "добычу", разложит на чистой холстине

и оставит сушиться. Целыми днями возилась. Придет срок - наполнит мешочки, склянки, из некоторых трав мази готовит. Переберет ягоды, скажем, боярышника, насыплет в дуршлак, промоет хорошенько, воду сольет, а ягоды истолчет, косточки - долой, добавит в месиво воды, и - на ровный огонь. Готовый отвар - в банки. Рахман любопытствовал:

- Для чего?

- У кого желудок болит или плохо переваривает пищу. Да еще, если памятью слаб или малокровием страдаешь, не приведи Бог. Месяц по половине чайной ложки в день - и, считай, здоров.

В те времена в селе распространилась некая напасть, от которой страдали больше всего дети. Бабушкино снадобье многим тогда помогло. Это было похоже на чудодейство: врача не дозовешься, лекарств не сыщешь, а бабушка, гляди, выручила. Бывало, ночами глаз не смыкала, зелья свои готовила. А Рахман во все глаза смотрел, примечал, слушал.

- Запомни: в это снадобье входят козий жир, масло, мед, сливки, какао, солодовый корень, имбирь, да еще корица... Месяц "потчую" больных таким вот составом, а после еще месяц другой смесью: сало, какао остаются, а еще добавляю яблоко, сырое яйцо и песок сахарный... Против воспаления помогает и гной выводит...

Внук, как говорится, на ус наматывал. Бабушка старела, не под силу ей уже по горам, по долам ходить было, травы собирать. Вот и стал Рахман ей помощником. К пятнадцати годам он уже, считай, всю "бабушкину" грамоту знал назубок, где что растет, когда и как собирать.

...Нежный и трепетный аромат ландыша отвлек его от воспоминаний. Он погрузился в созерцание малюсеньких белых гирианд. Каждый цветок выглядывает из двух зеленых "воротничков".

Он нагнулся над этой хрупкой красотой, вдохнул аромат, еще и еще... Было что-то девичье чистое, беззащитное в этом творении природы, и ему пригрезилась Сарвиназ, юная, восемнадцатилетняя, и почудился тогдашний запах ее густых

распущенных волос..., незабываемый, незабываемый... Запах, оставшийся в его памяти с той странной, нелепой ночи, всколыхнул все его внутреннее существо, посеял в нем волнующую смуту, засел в сердце тоской несбыточной мечты...

И первые подснежники, боязливо выглядывавшие ранней весной из-под снега, и пышные метелки сирени, распускавшейся в саду, и смущенно рдеющие розы во дворе, все вызывало в памяти образ Сарвиназ, и вся сущая земная красота уже становилась нераздельной с ее именем.

И хотя с той странной, волнующей, суматошной ночи немало утекло воды, Рахман помнил ее во всех подробностях и будет вспоминать до конца дней, та ночная картина, наверное, будет всплывать перед его мысленным взором.

Вдруг взгляд зацепился за дубовый подрост, примятый, полегший. На тропе явственно различались следы копыт животного. Помрачнел: "Кто еще повадился скот в лесу пасти?"

Встал и двинулся вверх по тропе. При виде затоптанных кустов, трав он почувствовал, как в нем закипает гнев.

У опушки леса заметил односельчанина Мамеда, гнавшего перед собой стадо.

- Слушай, тебе что, больше негде пасти скотину?

- Да что было делать, Рахман, - кратко отозвался нарушитель, - сегодня мои ребята проспали время, не успели животину в стадо общее проводить. А мои буренки к полудню такой рев устроили, что сердце мое не выдержало... Вот и надумал... привел в лес...

- Эх, голова ты садовая! - Рахман с трудом подавил в себе гнев. - Уж если ты такой сердобольный, так жалеешь скотину свою, то подкинул бы им охапку сена. А не так чтобы лес на потраву...

- Какая же потрава, помилуй Бог! Что лесу-то станется от пары-другой коров?

- Да разве ты один такой тут ходишь? Каждый по паре коров, козлов приведет - и нет твоего леса. - Он показал затоптанный дубовый подрост. - Скотина - враг молодого подрост...

та. Дуб не липа, липа быстро в рост идет, и век у нее не очень долгий. А дуб растет медленно и живет долго. Если позволят...

Мамед уставился на гусеницу, увязшую в паутине, опутавшей ветви карагача. Вдруг взмахнул палкой и, скинув гусеницу, придавил ногой. При виде этой сцены Рахман заговорил осуждающе:

- По сути, нет на свете травинки, букашки, твари, чтобы вовсе ненужной была. Природа так сотворила все живое, чтобы на что-то, да кому-то сгодилось... Вот гусеница. Вроде, некая тварь. А как знать, может, лесу и от нее прок? Или взять мышь. Неужели она только для того и создана, чтобы кошки их съедали? Нет... у всякой живой твари - свое назначение, свое право гражданства и место под солнцем...

- Эх, Рахман... Не делай из мухи слона! Велика важность. Ну, лес как лес. Его не убудет. Я как открыл глаза на свет божий, так и увидел: лес окрест. Как стоял, так и стоять ему.

- Ошибаешься. Ты вспомни, прежде лес тянулся от мельницы до тутовой роши. А сейчас по ту сторону - ни деревца. Да и какой густой был лес, чаща непролазная. Теперь деревья по пальцам перечесть можно.

- Это да, это ты верно, - наконец, согласился Мамед. - Так я пойду? - Рахман досадливо махнул рукой: мол, что с тобой поделаешь?

Мамед погнал коров к селу.

Рахман примостился под старым каштаном на молодой траве и вытянул ноги, прислонившись спиной к стволу. Устал, передохнуть бы.

В воздухе стоял тонкий аромат. Вскинув голову, он залюбовался бледножелтыми цветами, похожими на свечи, видневшимися сквозь толстые "пятипалые" листья.

Это от них исходил тонкий душистый запах. Так и пылать этим свечам - с начала апреля до конца мая, придавая лесу торжественное убранство. Вокруг вились пчелы. "Говорят, сок каштанового цветка - горький, что ж они налетели?"

Местные пасечники в пору цветения каштанов переносили хозяйство подальше - чтобы цветочный мед не горчил.

Вдруг он просиял, как при виде старого доброго друга, - из-под кроны каштана выглядывала цветущая молодая черешня, вся в белом. И росла она прямо из дупла каштана! Видно, какая-то лесная птаха занесла сюда семя, оно прижилось, пустило корни в плоть каштана. Вот уже пять лет, как присматривался Рахман к залетной гостье, обосновавшейся здесь. И ничего, живет, листья распускает, цветет, плодоносит. А каштан был ее кормильцем и хранителем, ограждал от холодных ветров, от дыхания зноя.

Рахман изумленно созерцал это чудо бессловесной любви и союза великана-каштана и хрупкой черешни, и в сердце закипала глухая волна неизъяснимой грусти. Он не мог равнодушно взирать на красоту, на такие вот причуды природы, и невольно ее чары наводили на мысль о Сарвиназ. Вернее, он искал в природной красоте ее приметы. И сейчас эта черешня напомнила ему Сарвиназ в цветастой ночной рубашке, безмятежно спящую в ту далекую ночь... Сарвиназ - нежное, милое, родное создание, его неотвязная дума, забота, его мираж, которому расти в сердце, как этой лесной черешне... Ей расти, цвести, наливаться зрелой красотой, а Рахману идти к старости, и однажды покинуть мир, и смешаться с землей с молодой любовью в старом усталом сердце. Никто, даже сама Сарвиназ, не догадается, не прознает об этой безумной, безнадежной любви.

Ему стало одиноко и тоскливо. Вспомнилась вдруг мать. Бывало, обнимет его, приголубит, вздохнет горестно:

- И в кого ты такой уродился, кровинка моя! Что ж ты не такой, как все ребятишки. Выйди на улицу, побегай, порезись хотя бы, только не сиди вот таким молчуном!

Он и вставал, и выходил во двор, где куролесила неугомонная горластая детвора, поглядит, покосится, и мимо - за околицу, в лес. Придет, присмотрит укромный уголок, вытащит книжку из-под рубахи и примется читать. Жил он книгами, вооб-

ражаемым миром, который становился частью окружавшей его действительности. Переживал события, радовался за героев. Бывало, под впечатлением потрясенной книжной истории о еде забывал, по ночам ему снились причудливые сны, с продолжениями вычитанных сюжетов...

Учился он не ахти как. Но к литературе пристрастился, хотя его книголюбие не укладывалось в программу. Книги согрели его светом высокой любви, они и были его друзьями, а так чтобы дружить с кем-то - не получалось, не клеилось, не было такого, кому бы он мог довериться. Он бы и рад подружиться, да не выходило, заводилы на него смотрели как на "чудилу", у которого на уме одни книги и всякие выдуманные истории, потому он как-то выпадал из компании.

...Он вспоминал вчерашнюю встречу с Сарвиназ, то, как она утешила его простыми словами, пытаясь отогреть его остуженную, окоченевшую душу, и при мысли об этом его охватывало чувство, похожее на счастье, такое ощущение, будто он попал на неведомую уютную и добрую планету или на теплый зеленый оазис... Женщина, которая была моложе в полтора десятка лет, пыталась ободрить его, кормила-потчевала, опекала как младшего, и это было трогательно, вызывало ощущение душевной близости.

Подходя к своей сторожке, он увидел сидящего на дубовом пне человека.

- День добрый. Чем могу служить?

- Ты ли Рахман стха*? - Мужчина поднялся.

- Он самый.

- Я из села Пирал. Мне посоветовали к тебе обратиться.

Ты уж уважь просьбу, не откажи в помощи.

- А что случилось?

- Я к тебе из-за сына. Был мальчик как огурчик, вдруг стал таять на глазах. Сколько порогов пообивал, врачам показывал - не помогает. И в больницу положил - на месяц, вроде полегчало, на поправку пошел, а потом опять зачах.

- А чего ты от меня хочешь?

- Может, ты выручишь... народными средствами...
- Как тебя звать?
- Самандар...
- Вот что, Самандар-стха. В райцентре - врачи и больница.
Прошу тебя, - туда и стучись. Я - лесник. Мое дело - лес беречь-охранять.

- Не откажи...

- Не могу... Не по моей части... Так что, ступай с миром.

Мужчина молча повернулся и ушел.

Рахман вошел в сторожку, прилег на тахте. Знакомый запах медвежьей шкуры на сей раз почему-то вызвал в нем раздражение. Скинул шкуру в угол и лег на голой тахте.

Смеркалось. Завела протяжную песню птица, будто баюкала деревья. О чем-то подумав, Рахман встал, вышел из сторожки и двинулся к опушке, ускоряя шаги. Он держал путь в Пирал. Добрался до села, когда уже нависла густая темень. Кругом ни души. Расспросив сельчан, нашел дом Самандара. Ворота не были заперты. Вошел, у крыльца снял обувь, поднялся на застекленную веранду и кликнул:

- Эй, хозяин!

Ответа не последовало. Постучался в дверь, - тихо. Открыл, переступил порог... На большой железной кровати лежал человек с бледножелтым, как айва лицом - одна кожа да кости. Рахман содрогнулся. Спящий мальчик был больше похож на мертвеца, безо всяких признаков жизни. Тихонько подступив к кровати, он сел на стул. Мальчик распахнул глаза и удивленно уставился на бородатого незнакомца.

- Здравствуй, друг, - Рахман протянул руку.

- Здравсьте..., - мальчик еле поднял свою тощую ручонку. Рахман задержал в своей пятерне тоненькие, холодные, хрупкие пальцы. Мальчику это затянувшееся рукопожатие было в тягость.

- Как тебя зовут?

- А зачем тебе?

- Как это зачем? Должен же я знать, с кем имею честь го-

ворить. Вот меня зовут Рахманом.

- А-а... "Дервиш" Рахман?

Рахмана такая реакция смутила, но он не подал виду:

- Он самый!

Мальчуган с любопытством уставился на него, в глазенках вспыхнул странный блеск. Приподнялся, попытался было что-то сказать, но тут же задохнулся кашлем, слова застряли в горле. Его вырвало, и он еле успел повернуться к тазу на полу. Рахман, приоткинув одеяло, пощупал худющее тельце. Потом снова прикрыл.

- Что ты делаешь? - слабым голосом спросил мальчик. - Считаешь, что... мне крышка, да? - В вопросе сквозило не отчаяние, а надежда.

- Ты не сказал свое имя.

- Ну, Тельман...

- Слушай, Тельман. Надежда есть. Причем стопроцентная. Бог даст, за месяц на ноги встанешь. - Рахману захотелось во что бы то ни стало уверить этого маленького человечка в возможности исцеления.

- Ты хочешь меня утешить, да?

- Ты - парень взрослый. Потому надо слушать, что говорят старшие. Я сказал - месяц, значит, так тому и быть.

Больной не отозвался, но лицо у него преобразилось. Похоже, что тень безнадежности и отчаянья исчезла, отступила.

Когда вошедший в комнату Самандар увидел лесника, то не поверил глазам своим. Опомившись от неожиданности он подошел и протянул руку.

- Спасибо огромное, что пришел!

- Где же мать?

- Доит корову, сейчас явится. - Самандар вышел на веранду. - Пакизат, поди сюда, да поживей! Гость к нам пожаловал!

Вскоре хозяйка появилась. Узнав, кто пришел, она залилась слезами:

- Рахман стха., помоги..., не дай единственному моему сы-

ну свечой истаять...

Рахман, сурово сверкнув глазами, потребовал больничный эпикриз.

- Хватит вам! Нечего нюни распускать! Позаботились бы вовремя, не довели бы до такого состояния. Один ребенок у вас, и то не можете толком взяться за лечение. Бог знает, с каких пор кашлем заходится...

- Да все сельское житье-бытье, хлопот полон рот, и скотину паси, и коров подои, и кур покорми, совхоз донимает... Руки не доходят. Нам и поесть недосуг.., - тихо и виновато призналась хозяйка.

- Ну да, на все у вас есть время, а как до ребенка дело доходит, то "недосуг". Какие же вы родители, что ребенка довели до жизни такой? - Рахман распалился не на шутку. Но при виде вконец обескураженных родителей, смягчился:

- Пойду за снодобьем, с помощью Бога, глядишь, поставим на ноги.

- Правда?

- А то как?

Расставшись, Рахман спустился вниз, а Самандар кинулся вдогонку:

- Как же так, даже не почаяевичав? Не перекусив?

- Я сыт!

- Погоди, машину организую!

- Не надо, не привык я на колесах!

Так и ушел.

Но вскоре Самандар догнал его на запыленном "Жигуленке".

Приоткрыл дверцу:

- Садись! У соседа Исабалы напрокат взял.

Через час они были в райцентре, у дома Рахмана.

- Подожди в машине. Я сейчас.

Рахман сошел, подошел к воротам, толкнул створку: заперта. Шагнул к груде песка, забрался на нее и оттуда - на забор, прыг - во двор. Тихонько открыл дверь комнаты на нижнем этаже, включил свет. В этой камерке на полочках вдоль стен

стояло несметное количество склянок, банок с целебными травами. Старый холодильник "Саратов" был набит настоями, бальзамами собственного приготовления. И стол рядом был уставлен банками. У железной печурки, в стенных нишах, котелки разного калибра - тоже подсобная утварь.

Входить в эту "лабораторию" всем прочим было заказано. Даже уборку Рахман никому не доверял: сам брался за метлу.

Открыв "Саратов", он извлек оттуда бутылки, налил из них во флакончики и склянки одному ему ведомую жидкость. Из разных кисетов достал трав, затем, завернув в газету, сложил все осторожно в сумку, погасил свет, вышел во двор, и снова перелез через забор.

- Который час? - осведомился он, уже устраиваясь на сиденье в машине.

- Десять минут первого.

- Помучили мы тебя сегодня изрядно, - виновато проговорил Самандар.

Рахман не отозвался. Он все думал о Тельмане. Перед глазами стояло тощее, как скелет, тело, юное существо, оказавшееся на грани между жизнью и смертью. Назначением снадобья, которое он прихватил, было - улучшение кровообращения, поднятие тонуса, стимуляция аппетита... Он, правда, не был уверен, насколько это поможет мальчику. Знал только, что вреда от этого не будет. Надо же было что-то предпринять...

Приехав, Рахман строго-настрого наказал родителям:

- Если хотите, чтобы Тельман выздоровел - следуйте моим советам. Вот этот бальзам - первые три дня, через каждые два часа по чайной ложке. С полуночи до утра - перерыв. Не упускайте времени. Я и сам наведуясь...

Спустя три дня наведалься. Осмотрел мальчика. Вроде, перемен к лучшему нет. Но слова Пакизата его обнадежили:

- Недавно Тельман попросил лапши. Сварила - целую тарелку съел!

Рахман стал извлекать из сумки новые снадобья:

- Препью своим чередом давайте пить. А этот экстракт - в день три раза по ложке... И таким образом неделю. Только - вовремя!

Прошло время. Тельман воспрянул, ожил, встал с постели. Но еще жаловался на головокружение. И сам в таких случаях говорил:

- Давайте лекарство. Пора!

Рахман, осмотрев "пациента" в очередной раз, остался доволен, даже улыбнулся:

- Дела идут хорошо. Еще неделю другую - будет как огурчик. Теперь лекарство давать только дважды в день. У него еще в груди, говоря по-научному, очаг инфекции не устранен.

- Уж ты будь спокоен, как скажешь, так и сделаем. Тельман и сам следит за "графиком". Положит часы рядом, и стоит опоздать на минуту - скандал закатывает, - засмеялась Пакизат.

Лето сменилось пасмурной осенью. Багрово-золотистый листопад преобразил лес. Дни стали короче, похолодало. Уже и не переночуешь в лесной сторожке: холод пробирал. Потому вечерами Рахман спешил домой. При виде промокшего до нитки, осунувшегося мужа Маиса журила:

- Ты посмотри на себя - кожа да кости. Ну, что ты себя изводишь? Дался тебе этот лес!

- Эх, Маиса... Сегодня с утра сердце щемит. И сам не знаю, что на меня нашло...

- Замотался, - успокоила жена. Но в тоне ее он уловил беспокойные нотки.

- Дома все в порядке? Ничего не случилось? - поинтересовался он.

- Нет. А что может случиться?

- Не знаю. Как-то не так ты сказала. Говори прямо, что случилось?

- Сказала же: ни-че-го!

Он прошел в комнату, включил телевизор. Джалил подсел рядышком и уставился на отца выжидательно-вопрошающим

взглядом.

- Сынок, что-то вы таите от меня...

- А если скажу - не расстроишься?

Рахман почувствовал, как кровь застучала в висках.

- Пошли, - мальчик повел его из комнаты. Спустился по крыльцу, отец - за ним.

При виде двери с отбитым замком у него сердце обмерло. Включил свет, вошел и - глазам своим не поверил. Целебная трава по полу рассыпана, всюду бардак, на полках все перемешано.

Маиса, вошедшая следом, перепугалась при виде побелевшего лицом мужа:

- Возьми себя в руки, не принимай близко к сердцу.

Рахман ничего не видел и не слышал. Чего стоило ему собрать эти травы, по былинке, по листочку, сколько ходил по горам, по долам, сколько хлопотал, сушил, берег... Ради ста граммов настоя использовал бог весть сколько разного зелья... И вот...

- Кто? - только и выдавил из себя.

- Из милиции приходили. Сказали, мол, распоряжение нового прокурора.

- А прежний куда делся?

- Ты будто с Луны свалился! Четыре месяца как сменили.

- А кто этот... новый?

- Не из местных.

- А была у этих гонцов какая-нибудь официальная бумага?

- Да. Сама видела.

- Кто же им дал право на такое самоуправство?

- Говорят, вроде, больничные врачи "накапали". Требуют, дескать привлечь тебя... к ответственности за "знахарство..."

Рахмана душил бессильный гнев. Он был готов заплакать от отчаяния. Впервые в жизни он испытал такое бесцеремонное посягательство на свое достоинство... такое унижение.

- Ты уведи Джалила. Ложитесь-ка спать. А я скоро

вернусь.

Маиса знала, что уговаривать его бесполезно. Потому ушла.

Рахман припоминал: в прошлом году к нему пожаловали двое из райбольницы: так, мол, и так, не зная броду, не суйся в воду, не берись не за свое дело, пропесочили, наговорили всякого и отчалили. Он тогда здорово обиделся на врачей. Потому что их обвинения были голословны, ведь не назвали ни одного конкретного случая, когда его лечение пошло кому-то во вред. Так, с наскоку, попеняли и ушли.

А на сей раз с ним обошлись по-хамски, оскорбили...

"Может, мне и вправду бросить это дело? - закралось сомнение. - На что мне вся эта забота? Что я получил после бессонных ночей, хождений, поисков, хлопот?"

Кровь ударила в голову. Он схватил банку с сушеной мятой с полки и изо всех сил ударил оземь. Разбил вдребезги. Сухая трава рассыпалась под ногами. Потом хватать другую посуду, третью...

Маиса вбежала на шум:

- Что ты делаешь? Опомнись!

Он остановился. Махнул рукой и кинулся вон. Взбежал на крыльцо, вошел в комнату и упал на кровать.

Маиса смотрит на лицо человека, которого любит, чудака, которого не понимает, чувствует, что для него случившееся - беда, большое горе.

Наутро, проснувшись и не застав мужа в постели, она всполошилась, оделась и спустилась вниз, в "лабораторию". А там... порядок. Все прибрано, осколков нет, на полках выстроилась батарея стеклянной "аптеки". Вот и он, вытирает влажной тряпкой полки.

- Сильно напакостили?

- Хуже некуда... Ладно еще, до холодильника не добрались.

- Я забыла сказать: тебе велели в прокуратуру явиться.

- Да что они, в самом деле?! - вскипел Рахман. - Что я натворил? Убил? Ограбил? В чем провинился?

- Они сказали, что без официального разрешения нельзя

заниматься лечением людей. Мол, за это статья полагается...

- Статья - это если я неправильно лечу или человека угроблю. Слава Богу, пока за мной такого греха не числится. Совесть моя чиста... А если снова пожалуют, скажи, что дома меня нет, и сама не бойся.

Позавтракав, он вышел. Вдруг кто-то подбежал к нему. Это был сын Сарвиназ, Азер. Заплаканный. Утирая глаза тыльной стороной ладони, он еле выговорил:

- Рахман халу.., маме плохо.., умирает.., ради Бога... скорей...

- А что стряслось?

Азер что-то объяснял, но Рахман уже не слышал, не понимал ничего из сбивчивых слов мальчика.

Он чуть ли ни бегом кинулся к дому Сарвиназ. Азер еле поспевал за ним.

При виде Сарвиназ, постанывая лежавшей на кровати, у него сердце захолонуло.

- Что с тобой?

- Нога у нее болит, - отозвалась, плача, старшая сестра Сарвиназ Ширинназ.

Он ужаснулся, увидев распухшую конечность.

Измерил температуру: 40 градусов!

- Когда у нее началось... это?

- С месяц...

- Отчего?

- Укусила какая-то тварь. И после...

- А что врачи?

- Хотели ампутировать. Гангрена, говорят. Как услышала - из больницы сбежала.

- Как так? Отпустили, ты хочешь сказать?

- Хирург взял с нее расписку: мол, сама отказалась от операции.

- Что ж вы молчали? Не могли мне сообщить? Такая, что ли, даль? - Рахман не на шутку обиделся.

- Маиса ведь знала. Дважды в больницу ходила. Неужели

тебе не сказала?

Рахман помрачнел. Но ничего не ответил.

Сарвиназ была не в себе, бредила: ее бессвязные, невразумительные слова болью отзывались в сердце. Лет пять тому назад Рахману удалось вылечить больного с похожим недугом. Он внимательно осмотрел опухшую ногу, приобретшую багрово-сизоватый оттенок, думая о том, что предпринять... Вдруг обожгла мысль: "Чего я жду... ведь она умирает!..

Ни слова не говоря, он вышел. Как добрался домой - и не помнил. Забежал в нижнюю комнату и стал лихорадочно собирать в сумку свою травяную "фармацевтику".

- Ты здесь? - раздался голос жены.

Он вскинул на нее гневный взгляд:

- Зла на тебя не хватает...

В этих словах было все. Маиса поняла, потупилась виновато и вышла.

Домчавшись с лекарствами до дома Сарвиназ он велел:

- В комнате пусть останется только Ширинназ!

Дети покорно вышли.

Он повернулся к сестре Сарвиназ:

- Вскипяти два ведра воды. Да поживей!

Когда кипятик был готов, высыпал сухие цветы и травы в ведро, прикрыл крышкой.

- Ноги ей надо окунуть в отвар по колено. А пока пусть цветы настоятся.

Ширинназ подала ведро, Рахман перелил в него отвар, дал поостыть, а после они вдвоем помогли больной опустить ноги в отвар. Да еще дал ей попить какой-то настой.

До вечера через каждые два-три часа он устраивал "ножные ванны" для больной. Никто не смел допытываться, спрашивать у Рахмана, что это за зелье, а он, закатав рукава, продолжал хлопотать. Но тем не менее, его уверенная деловитость, его присутствие вселяло в окружающих надежду.

К утру температура больной чуть спала - 39 градусов.

Рахман обрадовался:

- Похоже, я не ошибся... То, что я и предполагал...
- А что именно? - спросила Ширинназ.
- А то, что есть надежда.

Ширинназ, давясь слезами, проговорила:

- Хоть бы Бог пожалел ее детишек...

Весь следующий день процедуры продолжились. Ширинназ послушно "ассистировала".

На третий день Рахман, смешав несколько мазей, приготовил бальзам, затем нанес слой на ногу и, прикрыв плотной бумагой, забинтовал.

- Сарвиназ, сейчас ты почувствуешь жжение - потерпи.
- Лишь бы нога зажила.., - отозвалась та отчаявшимся голосом, - перетерплю...

Но вскоре она застонала от боли, скорчилась, заворчалась.

- Ой.., больно.., что это... Скорее, разбинтуй... Помогите...

Ее пытались успокоить, но тщетно.

- Повязка должна оставаться часов шесть, чтобы нарыв вскрылся, а то проку не будет.

- Не развяжешь сию же минуту - сердце разорвется!
- Хватит! - неожиданно повысил голос Рахман. - Стыдно!

Людей изводишь.

Подействовало, Сарвиназ притихла, но продолжала уже молча корчиться.

- На, выпей, - Рахман подал ей какие-то капли. Больная выпила и забылась сном. Но даже во сне продолжала постанывать.

- Ты ей, никак валерьянки дал?
- Что-то вроде того.

Прошло время. Боль отпустила. Сарвиназ переводила измученный взгляд запавших глаз то на Рахмана, то на сестру в ожидании, когда же и чем все это кончится...

Рахман снял повязку с ее ноги, подставив таз. Из нарыва потек гной. И тогда только он выпрямился на стуле, испустив облегченный вздох.

Когда рана была очищена, он вновь смазал ее мазью и перевязал.

- Это на сутки, чтобы вся муть рассосалась... - А вы, - Рахман обратился к родне, - можете расходиться.

Они остались втроем.

- Ты совсем извелся, - Сарвиназ устремила на него благодарный взгляд.

- Я-то ничего... Вот сестра твоя... - Он кивнул на Ширинназ, еле державшуюся на ногах. - Сходи, поспи возле детей. Если понадобится, позову.

Ширинназ ушла.

... Когда Сарвиназ, открыв глаза, увидела у изголовья Рахмана, который задремал сидя, прислонившись к стене, ей стало совестно и неловко. Она окинула взглядом его исхудавшее лицо, старую рубашку в клетку... В облике этого человека, которого люди сторонились и опасались и который долгие годы дружил с ее мужем, было нечто необычное, не от мира сего, в нем заключалась тайна, магнетизм. И быть может, эта магическая сила помогла унять ее боль...

Она, откинув одеяло, прикоснулась к ноге. Повязка была влажной. Она ее развязала и на радостях встала с постели, поправила халат, накинула косынку.

Рахман открыл глаза и удивленно уставился на нее:

- С выздоровлением! Да ты уже на ногах!

- Рахман халу, я и не знаю, как тебя благодарить. Если бы не ты, кто знает, как бы все обернулось... Может и не жить бы мне на свете...

- Ладно, ладно... Я ведь не чужой.

Он встал, хотел осмотреть ее ногу, но, замявшись, передумал и оглянулся на дверь:

- Где же Ширинназ?

Сарвиназ вышла, кликнула сестру, та появилась и обвила ей шею...

- Как же ты нас напугала... Бог да возблагодарит Рахмана...

И - в слезы. Рахман с притворной строгостью пожурил:

- Нечего нюни распускать! Лучше подсоби! Воду вскипяти, еще ванночку организуем! - И обратился к Сарвиназ: - Я тебе дам мазь, в день три раза будешь наносить на рану. - Сейчас, когда кризис миновал, видя, как ожила больная, ему хотелось пуститься в пляс.

Через три дня, поздним вечером направляясь к дому Сарвиназ, он заметил кумушек, о чем-то громко толкующих на углу, и, почувствовав неладное, замедлил шаги. Женщины его еще не заметили.

- Не будь Рахмана - отдала бы концы...

- А ты думала? Знахарство - дело серьезное.

- Да не только это. Он ведь еще и колдун. Он ей и ворожбу пустил в ход.

- Да, и я слыхала.

- Ты погляди, какие у него глаза. Странные такие, горящие, настоящий колдун.

- Да будет тебе языком молоть! Глаза как глаза. Ну, втюрился мужик, потому и горят...

- Ай-яй! Стыд-то какой. В его-то годы... На чужую жену зариться...

Рахмана как кипятком ошпарили. Боясь, что услышит еще и нечто похлеще, он ускорил шаги и нарочно кашлянул, чтобы попрिдержали языки.

- А-а, легок на помине, - тихо проговорила одна из кумушек.

Сарвиназ ужинала с детьми. При виде его она с радостью вышла навстречу, помогла снять пиджак, не без кокетства, подала стул и заворковала:

- У меня кусок в горло не лез... все думала: хоть бы ты заглянул, поужинал с нами...

- Ого... никак плов с цыпленком? - Рахман вдохнул воздух, как бы принюхиваясь, пытаясь не выдать расстроенных чувств.

- Да, малыцы мои, бедняги, давно вкусного не ели. Сегодня, вижу, совсем мне полегчало, вот и взялась за стряпню, дай, думаю, что-нибудь приличное сварганю... Но, поверишь

ли, как нож выронила из рук, так и почуяла сердцем - быть у нас гостю. Рахман халу придет, значит.

Он присоединился к трапезе. Сарвиназ повела разговор о том, о сем, Рахман слушал с интересом, иногда отвечая на вопросы.

После трапезы она убрала со стола.

- Как нога, не беспокоит?

- Нет вроде.

- А мазью пользуешься?

- Да. Как ты и "прописал" - дважды в день.

- А ну, развяжи - гляну.

Разбинтовав ногу, она чуточку подобрала подол. Рахман указательным пальцем легонько и осторожно прикоснулся к месту нарыва. И поймал себя на мысли, что в его излишне осторожном движении больше опаски - точно это прикосновение было чревато чем-то страшным, недопустимым... Ее нога, красивая, точеная, будила в нем неизъяснимое смутное волнение. От приближения к этой женщине его существо пронизывали неведомые чувства, в которых он боялся признаться самому себе.

Смутившись, он отвел руку с некоторой неестественной поспешностью. Сарвиназ, все предшествующие дни оглушенная болью и оттого утратившая остроту природной стыдливости, теперь почувствовала в движении Рахмана, в том, как он поспешно убрал руку, смущение и залилась краской...

***

...При виде Рахмана, который, едва надев пиджак, не застегнувшись, без шапки засобирався уходить, Маиса заворчала:

- Что ж так налегке? Не видишь, что на улице творится, метель! Я со стыда не смею людям в глаза смотреть. Думают, не в чем тебе ходить, одежды нет.

- У жеребца, говорят, чепрак драный, - пытался он обратиться разговор в шутку.

- Пальто же у тебя новехонькое, что не оденешь?
- Не люблю, знаешь... шиковать...
- Ну-ну... Лучше, выходит, в отрепье ходить, как дервиш? - распалилась жена.

Рахман, не ответив, шагнул к дверям. Надел резиновые сапоги и вышел. Шел снег. Снежинки липли к лицу, ложились на волосы, холодили шею... Все белым - бело. Увязая в снегу, он двинулся к лесу. Воздух был чист. Зимний пейзаж радовал глаз. Целый день бродил Рахман любуясь.

Уже смеркалось, когда очутился у ворот Сарвиназ и удивился, словно очнувшись от забытья. Он ведь, вроде, и не помышлял об этом, ноги, что ли сами привели? Месяц, как не навевывался. В последний раз, когда услышал пересуды кумушек, он почувствовал себя в чем-то виноватым и старался не показываться там, чтобы не давать повода для разговоров.

Теперь, топчась у дверей, он испытывал двойственное чувство: одно желание влекло его сюда, другое - требовало уйти. Но первое чувство взяло верх. Он не мог перебороть себя.

При виде гостя, запорошенного снегом с головы до ног, с белой бородой, Нигяр радостно закричала:

- Дед Мороз пришел!

И Азер присоединился к сестренке.

Сарвиназ не могла утаить радости. Только он повесил куртку на вешалку в прихожей, как дверь с шумом отворилась. На пороге стояла Маиса. Ее покрасневшее от мороза и волнения лицо не предвещало ничего хорошего.

- Ага! Сумерничаете, голубки! Кажется, помешала?

Сарвиназ с Рахманом переглянулись, огорошенные.

- Хоть постыдились бы детей! Постеснялись бы шашни заводить! Тьфу на Адила. Доверил, охломон, волку овечку!

- Да что с тобой, Маиса? Что ты мелешь! Опомнись! - Сарвиназ задохнулась от обиды. - Как тебе не совестно?

- Мне или тебе? Муженька моего переманила, хахаля завела, а мне краснеть? Весь район знает, что ты вытворяешь.

Я-то молчала, шуму не поднимала, думала, образумишься, отстанешь...

- Не пойму, о чем народу толковать.., в чем я провинилась?

- Все прекрасно знаешь. Не прикидывайся дурочкой! - пришла в ярость Маиса.

Рахман, молча слушавший перебранку, не выдержал:

- Хватит!

Но Маису это только распалило.

- Чем на меня орать, ты бы лучше на себя посмотрел! О семье бы подумал, о сыне! Днями пропадаешь у Сарвиназ - без зазрения совести. А если узнает твой сын? Что он на это скажет?

Сарвиназ, видя, что остановить этот поток невозможно, ждала, пока разъяренная Маиса отведет душу. А ведь когда-то она в ней души не чаяла, поверяла ей самые сокровенные тайны и теперь никак не могла взять в толк причину столь крутой перемены. Ведь Рахман и прежде к ним захаживал по-свойски, по праву дружбы, в чем его вина, и в чем Сарвиназ виновата?

Маиса, размахивая руками, крыла их на чем свет стоит. Дети испуганно взирали на взрослых.

Наконец Рахман силой выставил ее за порог. Но и во дворе она не унималась, кричала, бранилась. Рахман, схватив ее за руку, потащил к воротам и увел домой. По дороге они шли молча.

Дома она опять дала волю языку:

- Бросил своих, адилевых выкормышей опекает! Готов в ноги Сарвиназ кланяться!

Рахман не выдержал, он опрометью кинулся вон из дома.

* * *

...Давно он не бывал в райцентре. Маису видеть не хотел. По сути, причиной глубокой трещины в их отношениях, было умолчание о болезни Сарвиназ: Маиса, зная о тяжелом,

почти обреченном состоянии последней, умышленно и бессердечно скрывала это от мужа. А ведь недолго было и осиротеть трем ребятишкам, детям его друга, оказавшегося за решеткой, и мысль об этом усугубляла в его глазах вину Маисы.

Кто знает, как оно могло обернуться, не побывай он в тот день в райцентре, не наведайся к Сарвиназ, уже прикованной к постели и оставшейся, по сути, без реальной и действенной помощи...

Быть может, Сарвиназ и просила Маису о помощи, просила найти Рахмана, днями, неделями пропадавшего в своем лесном хозяйстве... И если так, если человеку грозит смертельная опасность, как можно отказать ему в просьбе, в помощи, в участии? Нет, он никак не мог простить жене такую холодную, бездушную расчетливость, вызванную, очевидно, никчемной и пустой ревностью. Такое мелкое, мстительное чувство в такой роковой час! - не укладывалось у него в голове.

Рано утром, представив отчет в управление лесного хозяйства, он направился в продмаг, чтобы закупить припасов, и в дверях столкнулся с Сарвиназ. От неожиданности он даже забыл поздороваться. Теперь он избегал с ней встреч, ощущая невнятную вину перед этой женщиной.

- Что случилось, Рахман халу, в чем мы провинились, что и приветом нас не удостоите? - Она уловила его замешательство.

Продавщицы с любопытством смотрели на них. Земля слухами полнится - уже молва о них, о скандале, учиненном Маисой в доме Сарвиназ, пошла гулять среди охочих почесать языками. А те, рассусолив, присочинив еще кое-что, передавали дальше по округе.

Рахман покаянно и тихо проговорил:

- Прости... за Маису...

Она вместо ответа жестом показала на его замызганную рубашку, выглядывавшую из-под пиджака:

- Дома, наверное, не бываешь?

- Нет.

- Пошли к нам.

Она сказала это так, что Рахман не смог возразить. Он последовал за ней.

Всю дорогу их сопровождали цепкие любопытные взгляды. Чувствуя их, Рахман ежился, смущался, ругал себя за покорство, что согласился идти к ней. Но шел. Больше всего его жгла мысль о том, что склоняют имя Сарвиназ, ей кости перемывают. С другой стороны, в глазах людей ходить среди бела дня к "соломенной вдове", муж которой в тюрьме, тоже считалось делом явно предосудительным. И он понимал это. Но внутреннее, неодолимое чувство побуждало его действовать вопреки всем здравым рассуждениям.

Переступив порог, Сарвиназ горько вздохнула.

- На улице показаться не могу. - В горле у нее запершило.

- Не надо бы мне сюда приходиться.

- Да почему же? В чем мы виноваты? С какой стати тебе не ходить в наш дом? Ты спас меня от напасти, смерти можно сказать, тогда был нужен, а теперь, выходит, нет? Пусть болтают.., придет время, устыдятся. У лжи ноги короткие.

Сарвиназ ободрила его.

Он направился к детям. А вскоре и Сарвиназ заглянула в комнату:

- Рахман халу, пока я стряпней займусь, ты зайди в душевую, искупайся, а то, Бог знает, сколько времени не мылся. Надень что-нибудь из одежды Адила, а твою я выстираю, к утру высохнет...

И прошла на кухню, не допуская возражений и отнекиваний. Рахман выкупался, надел свежее белье, почувствовал бодрость. Чуть поиграв с детишками, он и не заметил, как задремал на диване.

- Мама, Рахман халу уснул, - сказала Нигяр.

- Не шуми. Пусть отоспится, жалко его - намаялся.

Сарвиназ накрыла его одеялом.

Наутро, открыв глаза, Рахман удивленно огляделся. На стуле - выстиранная, отглаженная рубашка, брюки. Одев-

шись он испытал теплое, благодарное чувство. "И когда она успела управиться?"

- Рахман халу, - голос из кухни, - ты уже проснулся?

- Да. Спасибо тебе за хлопоты. Извини...

- Ладно, ничего. Ступай умойся, я чай заварила.

Давненько он не ел с таким аппетитом. Пил, ел, исподлобья поглядывая на Сарвиназ, и не верил своим глазам: то, чего он не мог допустить и в мыслях, теперь происходило на самом деле. Он сидит с нею, с глазу на глаз, ест и беседует, он уже и ночует у нее, и на нем - отстиранная, отутюженная ею одежда...

Вот она - перед ним. Рукой подать. Он мог обнять ее, прижать к груди, осыпать поцелуями прекрасные серо-зеленые глаза, пухлые губы, и никто бы не узнал об этом.

Подумал - и смутился. Стоит ей догадаться о его опасных побуждениях, каково ей станет, как она возмутится..., возненавидит его...

Он отвел глаза.

- Рахман халу... Прошу тебя, ради Бога, ты свой очаг не оставляй на произвол судьбы... Маису жалко... и Джалила...

Он не ответил. Молча встал и распрощался.

* * *

Был воскресный день. В такие дни он вставал поздно, повозившись во дворе по хозяйству, заходил в каморку внизу, чтобы заняться любимым делом. И так до тех пор, пока Маиса не позовет обедать. А теперь его режим нарушился. Ел-пил, когда придется, сон не в сон, и дело не впрок. Когда он был не в ладах с Маисой, у него и дела не ладились. Так бывало всегда. Каждый раз давал себе слово: впредь обходиться с ней бережнее, осмотрительнее,

не давать повода размолок. Но сыр-бор разгорался столь неожиданно, что он и сам диву давался, как это могло произойти. Так случилось и в последний раз, когда Маиса ворвалась в дом к Сарвиназ и наговорила им кучу гадостей. Не себя он жалел, Сарвиназ ему было жаль. Она вынесла и эту несусветную брань, и этот удар судьбы.

Будто мало намыкалась с Адилем, мало проглотила горьких пилюль и оскорблений... Мучило Рахмана и то, с каким отчаянным смирением она снесла и эту пытку. Он восхищался ее смирением и - возмущался.

Чтобы не будить домочадцев, он не стал звонить у ворот, перемахнул через ограду, взбежал по крыльцу на второй этаж.

Маиса сидела за столом на веранде. Поздоровавшись, он присел рядышком.

- От нее? - спросила Маиса, не поднимая головы.

- Да.

Она подумала было, о чем еще спросить, но решила, что, пожалуй, этим все сказано. Он чувствовал, видел, как она меняется в лице, какая мука грызет ее изнутри, но не испытывал желания ободрить ее, сказать что-нибудь утешительное, облегчающее...

В сущности, не последняя безобразная сцена, когда она вылила ушат помоев на ни в чем неповинную Сарвиназ, и на него заодно, была главной причиной его холодного отчуждения.

Нет, он испытывал горечь обиды за все эти годы совместной жизни, за то, что с ней он не вкусил настоящего семейного счастья, за то, что она не смогла, не сумела привязать его к очагу, ободрить, согреть его сердце, тоскующее по заботе, ласке, самому обыкновенному человеческому участию и обхождению. Он поначалу не осознавал истинной, глубинной причины этой вечной душевной неутоленности и неудовлетворенности. Но теперь стал по-

нимать, что причина опустошенности его души, ее состояния, редко когда теплеющей от нечаянной улыбки и радости, - в Маисе, в том, что он не любит ее.

Он уже давно сравнивал ее с Сарвиназ, и это сравнение усугубляло пропасть, разделявшую их, и отягчало обиду за ее выходки.

Это запоздалое признание печальной истины повергло его в горькое уныние, граничащее с отчаянием, но что было делать, - правда была такова. Одним он мог утешиться, что за всю совместную жизнь он ни разу не поднял на нее голоса, не обидел, не унизил, за исключением последней вспышки гнева. Все ссоры и размолвки происходили по ее вине.

- Что так задумался? - Ее голос донесся издалека, будто со дна колодца.

- Ничего.

- Пришел забрать одежду, что ли?

Рахмана это задело за живое.

- А куда я должен забирать ее?

- Сам знаешь куда. Есть кому о тебе заботиться.

- Опять ты за свое?

Подавляя приступ гнева, он встал, чтобы уйти в комнату.

- Я твои вещи уложила в сумку. Можешь взять, когда захочешь.

Выходит, положение серьезнее, чем он думал. Хладнокровие Маисы его несколько насторожило. Она уже не рвала и не метала, как обычно.

- Не будем выставлять себя на посмешище. В наши-то годы. Что между нами произошло?

- Что? Джалил и без того все знает. Вчера, когда ты топал к своей любушке, он мне и сообщил. Забирай свои шмотки и - скатертью дорога!

- Ты что, выставляешь меня за дверь?

- Я не скажу - сам однажды уйдешь. Лучше уж сейчас.

Пока малец не подрос. После трудно тебе будет.

- Уйти - уйду, но ты запомни раз и навсегда, что между нами с Сарвиназ ничего не было. Клянусь Богом.

- Безбожники и божатся. И потом зачем ты все это говоришь мне? Допустим, я тебе поверила. А людям как втолкуешь ? Какой дурак поверит, что переночевав у молодницы, ангелочком от нее вышел?

Был в ее словах неумолимый резон. И вправду, как докажешь?

ГЛАВА III

На лесной поляне сажали саженцы. Рахман давно подумывал посадить молодой дубняк и эта поляна подходила для этой цели. Сперва тракториста нашел, подровнял, распашал участок. Слышал, что встарь здесь шумела дубрава. Окрестные сельчане, пользуясь безнадзорностью, повырубали и растаскали все деревья.

Таких "лесогубов" Рахман люто ненавидел. Особенно тех, кто губил дубы. Как же так можно - валить вековое дерево ради житейской надобности, пускать на дрова или на обустройство собственной хибары, будь она неладна!

Столетиями стоит дерево, краса леса, память земли, а тут ради сиюминутной бытовой нужды взял и распилил - это в его глазах было варварством. Порядочный, уважающий себя, радеющий о земле человек такое себе не позволит. Но когда он пытался внушить, втолковать эту простую истину, его вразумления пропускали мимо ушей, встречали насмешками. Он кипятился:

- Вам кажется, эти леса, долина, горы вечны... Думаете, жили с этой красотой рядом и будете жить... Захотите прохладиться - лесочек рядом, родниковой водички попить - вот она, под рукой. Вам и в голову не приходит, что эта благодать не безмерна, что она может истощиться, и останется голая пустошь. Валите великаны - дубы, и не соображаете, что с этого начинается бедствие для всего леса. В этой округе били родники, вода - слеза, глотнешь - зубы ломит. Поредел лес, земля засохла, засохла родники. А меньше влаги, опять же, деревья чахнут, травы жухнут, цветы увядают...

Пару лет назад весной посадил желуди в землю, через месяц, когда взошли ростки, он радовался, как дитя. До конца лета обхаживал, поливал. Минувшим летом любовался уже

на набухшие почки. Вот и листочки пошли: гладил побеги, голубил, даже ласково разговаривал с ними. Вымахать им крепкими дубами!

Теперь он сажал побеги на поляне - "на вечное поселение". Десять дней провозился. Дубняк, можно сказать, заложен. Рабочие укатили на грузовике в райцентр.

Присел Рахман на землю, обхватил руками колени и задумался, замечтался: "Пройдут годы и зашумит здесь молодая дубовая роща... Зарубцуются старые раны леса, восполнятся потери. Может, и родники заглохшие оживут, воспрянут... И Сарвиназ направится с кувшином к студеным чистым родникам... Увижу ль я те дни? Доживу ли?.. Ну, не я, так Джалил..., его дети увидят... Скажут: "Дубрава деда Рахмана".

Солнце припекало, лучи били в спину, и по телу разливалась приятная истома, глаза туманила дрема. Он прилег на землю.

- Рахман халу!

Рахман поднял голову и удивился: перед ним стояли Азер и Габиб. За ними бегом примчалась Нигяр и кинулась к нему в объятия. Он обнял малышку и чмокнул в щечку.

- И мама с нами! - радостно сообщила девчурка.

- А где она?

- А мы забежали вперед. Вот она идет!

И показала на Сарвиназ, выходящую из лесной просеки. У Рахмана заколотилось сердце.

- Ты куда-то пропал. Дети ждут тебя не дождутся. А Нигяр все глаза проглядела, от ворот не оторвать: жду, мол, когда Рахман халу придет.

- Да? - Рахман спросил у девчурки, а та обхватила ручонками его голову и крепко прижалась щечкой к его бороде. Эта ласка окрылила его.

- Как же вы меня нашли?

- Сам же говорил что на поляне дубки сажаешь. Так что "адрес" у нас был. В детстве ведь часто тут куролесили.

- Да. От вашего села сюда рукой подать.

- Забыла уж, когда была в лесу в последний раз... Хорошо здесь... Душа радуется. Теперь понимаю, почему ты безвылазно тут живешь.

- Мама, я есть хочу, - плаксиво протянула девочка.

- Я прихватила хлеба с сыром, слопали так, что диву даюсь.

- Тогда будем шашлык жарить, - усмехнулся Рахман в усы.

- Вы еще не видели мой "дворец"?

- Дворец? - Габиб принял все за чистую монету.

- Пойдем, покажу.

Азер что-то углядел в траве, изучая находку.

- Что это ты нашел?

- Смотрите, на козлика похож, - мальчик указал на корягу.

- Да. Только надо бы чуток подправить.

Нигяр стала гоняться за бабочками. Габиб собирал с листьев цикад и отправлял в банку. Потом он присел на корточки и стал внимательно изучать муравейник. Муравьи шли в два ряда: "двустороннее движение". Одни что-то таскали в муравейник, другие, без ноши, двигались шустрее.

- Видишь, какие трудяги? - Рахман наклонился рядом с мальчиком. - И силачи. Муравей может осилить груз в несколько раз тяжелее себя.

- А почему они живут все вместе?

- Потому что в одиночку или маленькими группами им трудно добыть пищу. Кроме того, в одиночку они тоскуют и гибнут. И пчелы так. Они тоже не любят одиночество.

- А где муравьи воду находят, чтобы попить?

- Из-под земли... У них свои колодцы. В засуху могут отрыть колодец глубиной до 30 метров! Оттуда и достают воду.

Вдруг из-под куста выпорхнула птица. Габиб вздрогнул.

- Горлица. Где-то у нее гнездо поблизости. - Рахман раздвинул ветви и начал всматриваться в кроны деревьев. Взгляд его задержался на старой ели с замшелым стволом.

- Где, по-твоему, ее гнездо?

- Не знаю, - мальчик пожал плечами.

- Сейчас увидишь.

Он осторожно прощупал мох. Коснулся нижней ветви. Вдруг раздался писк. Рахман приподнял слой мха и взору Габиба предстали птенцы. Затем он снова замаскировал птичье жилище.

- Как ты нашел? - изумился мальчик.

- Горлица - хитрющая птаха. Всегда маскирует гнездо - не заметишь.

- Что это вы разглядываете? - подошла Сарвиназ. Рахман уже перевел озабоченный взгляд на ореховое дерево. Она проследила за его взглядом и поняла: с дерева была содрана кора, обнажилась белая заболонь.

- Какие бессовестные! - Рахман нахмурился. - Ободрали кору, чтобы оно со временем засохло. А там руби, пили, забирай. На оконные рамы или двери... Дерево без коры - что человек без кожи. Заболеет и умрет...

- Деревья тоже болеют? - спросил мальчик.

- А как же! Оно тоже живое. Простыть может.

- А врачи у деревьев есть?

- Конечно, сынок. В других странах, и врачи, и лекарства. А у нас беда, у нас и здоровые деревья, не моргнув глазом, топорком-хватать! и пилой - вжик! - готово. Вот американцы, если заметят, что дерево изнутри хворь точит, гниль завелась, - принимаются лечить. Есть прибор, который определяет болезнь дерева. Сперва дрелью сверлят дыру в стволе, потом вкладывают электрический щуп. А на шкале стрелка ходит и показывает, как дерево себя чувствует...

- Значит, это дерево заболевает? - расстроено спросил Габиб.

- Если здоровое, и нет у него иной хвори, червоточины, - может, и выживет. Но если завелась труха, - то пиши пропало. Иные люди, хуже грызунов, мышей. Это мыши обглаживают кору.

- А разве и в лесу водятся мыши? - испуганно спросила Нигяр.

- Конечно! Еще и древесная крыса обитает. Их лакомство

- желуди.

- А нельзя их убить?

- Ну, видишь ли, природа сама обо всем позаботилась. С крысами расправляться поручила лисичкам и белкам. Чтобы не очень расходились.

Вскоре дети увлеклись беготней, своими шалостями. Рахман шел рядом с Сарвиназ, не зная, о чем заговорить, чтобы скрыть охватившее его радостное волнение.

- Нет ли каких вестей от Адила? - нашелся спросить.

- Письмо получила, - неохотно отозвалась она. Вопрос ей пришелся не по душе. Вообще, когда речь заходила об Адиле, у нее портилось настроение.

- Навестишь его?

- Да.

- Когда?

- В будущем месяце.

Снова воцарилось молчание. Сарвиназ и сама искала тему для разговора.

- Как у тебя с питанием?

- В порядке. Голодом себя не морю. Заготавливаю впрок с вечера.

Дети, дойдя до высокого дуба, стали глазеть на фигурки, которыми были увешаны ветви и обставлена земля вокруг. Еще их внимание привлек "грибок" - укрытие. Все это смастерил Рахман.

А вот и сторожка. Дети с шумом ввалились в нее. Все для них было интересно, загадочно: шкурки лисьи, медвежьи, склянки на полках, керосинка. Осмотрев все внутри, они вышли и расположились под "грибком".

Сарвиназ стала у порога сторожки, всматриваясь в ее убранство, чувствуя, как щемящая волна печали охватила сердце. Сторожка навевала горькие воспоминания далеких дней... И шкуры, которыми был устлан пол, и тахта в углу, и тигровая шкура, прибитая к стене, показались ей знакомыми. Но, в отличие от бывшего жилища, эта сто-

рожка была попросторнее, светлее, пригляднее.

Рахман навел здесь какой-никакой, а все-таки уют. И посуды, гляди, на полке. И вешалка...

Она присела на тахте и провела рукой по мягкой шерсти разостланных шкур. Их своеобразный, теплый запах перенес ее через прожитые года, в горькую, тяжкую, роковую пору ее юности. Вспомнились ей налитые кровью, алчные глаза Адила, то, как он подходил к ней - как хищник, учуявший добычу... И свой истошный, отчаянный крик, зовущий на помощь.

А потом..., как после разразившейся беды, она пластом лежала на тахте, не желая жить, не прикасаясь к еде... Через три дня наконец встав, упала от слабости. Открыв глаза и узнав бородатого человека, склонившегося над ней, она яростно вскричала:

- Ты виноват во всем, ты, ты! Ты силой увел меня из дому... Бессовестный, бесчестный! - Она задыхалась от гнева и ненависти. Бородач же молча слушал ее, не отвечая.

Она была на грани безумия. Вдруг зашлась плачем. Выплакала боль, обиду, накипевшую в душе за эти три унижительных, мучительных дня.

- Когда этот дикарь... решил... умыкнуть меня... Как ты не убоялся Бога? Хоть бы подумал, что он мне в отцы годится!

Бородач странно взирал на слезинки, скатывавшиеся по ее лицу и падавшие на руки. И ни слова. Потом принес еду:

- Шашлык из фазаньего мяса. Адиль тоже скоро придет...

И вышел. Запах съестного дразнил. Она не выдержала и протянула руку. Странная это была трапеза - шашлык вперемешку со слезами.

Тут снова появился бородач:

- Не казись. Пожалей себя. Все равно ведь ничего уже не поделаешь...

Она перестала есть, задумавшись над смыслом сказанных то ли в утешение, то ли в назидание слов. И на душе у нее стало пусто, как никогда.

... - Сарвиназ!

Она вздрогнула и поднялась с тахты.

- Напугал?

- Нет, нет...

- Выходи. Тебя ждем.

Нигяр качалась на виноградной лозе. Азер с Габибом - надо же! - забрались чуть ли не на самую макушку дерева.

Вскоре все собрались под "грибком" и с аппетитом ели шашлык из фазаньего мяса. Сарвиназ исподлобья поглядывала на Рахмана. Она очень хотела знать, что на душе у этого человека, так неожиданно вторгшегося в ее жизнь, сыгравшего поначалу такую зловещую роль, а теперь преобразившего, перевернувшего все...

Под вечер Рахман поторопил:

- Готовьтесь в путь-дорогу. Чтобы затемно добраться до райцентра.

- А можно мы в лесу переночуем? - заговорили в один голос дети.

- Нет, нельзя!

Рахман встал, за ним остальные.

- Я и сама как ребенок... Не будь хлопот с домашней птицей, с животинкой, никуда бы отсюда не ушла.

Сарвиназ произнесла это столь искренним тоном, что он поверил ей.

Последний год сблизил их. Но это была странная близость. Часто встречаясь, даже, случалось, ночуя под одной крышей, они были близки душой, об ином и речи не могло быть. Между ними стояли тени Адиля и Маисы. Эти тени, наподобие чертополоха, пресекали всякие помышления. Оба они чувствовали ответственность перед ними - и родными, и чужими, внушавшими опасение и ненавистными. Это чувство преследовало их по пятам.

- Кому ты поручила позаботиться о корове?

- Соседке... Она заведет в хлев. Но, гляди-ка, с доением как опоздала. Бедное животное, наверное, мается.

- Мне как - идти к вам или вернуться к себе? - От этого вопроса у нее сердце захолонуло. Она боялась признаться себе в том, что ее влечет к этому, ставшему ей близким и родным, неприкаянному, странному и доброму человеку. Она давно забыла о простых человеческих радостях, о женском счастье. Не было у нее в жизни этой большой радости. Но с тех пор, как узнала Рахмана получше, она почувствовала, что только с этим человеком ей будет надежно, спокойно и тепло. Только он может быть ей опорой и заступником, облегчить бремя ее забот, тягот, всевозможных печалей и испытаний.

- Разве я отпущу тебя?

Этими словами она сказала все.

* * *

Покинув родной очаг, Рахман переменялся. Теперь он еще больше замкнулся в себе и неделями пропадал в лесу. Выходил только по делам - сходить в управление для отчета или получить задание. На обратном пути заглянет на базар, в магазин, накупит кое-чего - и все дела. Бывало, захочется горячей еды - сам состряпает.

В последние годы он и на лес глядел зорче, избирательнее, что ли, высматривая в окружающей стихийной красоте одному ему ведомый смысл и образ, будь то корневище, изогнутая ветвь, все таскал в сторожку. Может, в нем проснулась знакомая с детства жажда мастерить, сработать нечто красивое и приглядное, смолоду умел и плотничать и слесарить. Теперь он придавал дереву угодный душе вид, форму, готовил украшения, наносил узоры. Дома уже накопилась изрядная коллекция всякой деревянной утвари, самоделок - скалка, круг для раскатывания теста, ложки, сундучок, шкатулка...

Он получал удовольствие, оживляя и одушевляя неожиданным смыслом бесформенные куски дерева. Бывало, природа сама подсказывала рисунок, мысль, "забыв" завершить ее каким-то точным мазком, оттенком, - и он "доду-

мывал" за нее. И радовался, придавая четкие выверенные очертания аморфным заготовкам. Вот и выросла галерея фигурок: и косолапый медведь, и козлик, и белка, и обезьянка...

В лесном управлении уважали этого гордого, неумолимого работягу, верой и правдой служившего делу. Его участок был в ряду наименее затратных и подвергающихся потерям, и наиболее продуктивных. А ведь забота лесничего - не только охранять лес. Ему приходится и заготовкой диких плодов, ягод заниматься, и засаживать разреженные участки, и о здоровье зеленых друзей позаботиться. Он знал толк в деле, болел душой за лес, и потому никто словом не мог упрекнуть его за какой-либо огрех или промашку.

Мало того, дикорастущим плодовым деревьям он прививал побеги культурных сортов. Осенью лес приносил щедрые дары: и яблоки, и груши, и кизил, и мушмула... Другие сдавали только то, что лес дарил, а он - и гибридные плоды. Сельчан окрестных вовлекал в это дело.

- Поработайте с недельку - на всю зиму запасетесь плодами, да и подзаработать не грех.

Как-то вызвал его к себе начальник. Заговорил о том - о сем, потом круто повернул разговор:

- То, что люди говорят, - правда?

- Что ты имеешь в виду?

- Ты семью оставил?

- Да.

- Могу ли я узнать причину?

- А это имеет отношение к плану?

- Не сердись. Знаешь, толкуют тут всякое. Говорят, ты пригрел адилевых детей.

- А сам-то ты что хочешь сказать? - Рахман вскинул колючий взгляд.

- Не знаю. Не верится мне.

- Ну вот и не верь.

Встал, направился было к дверям.

Хатам (так звали начальника) удержал его за руку и сно-

ва усадил.

- Куда спешишь? Давай потолкуем по душам. Я с тобой говорю не как начальник. Хочу понять, что с тобой произошло? Какая кошка между тобой и женой пробежала? Наслышался я про красоту Сарвиназ, ну все мы люди, может, и потянуло тебя, занесло, но стоит ли из-за этого бросать законную половину?

- Между мной и Сарвиназ не было ничего такого. Я никогда не смотрел на нее, как... иными глазами. У меня и в мыслях не было. Это все злые языки. Они и Маисе нашептали, нашушукали. Верно говорят - дурак бросил в колодец камень, а сто умных вытащить не могут.

- Недавно ко мне прокурор приходил. Тобой интересовался. Говорит, в лесу у тебя дом... и там, дескать, с ней встречается.

Рахман побелел лицом. И вне себя изо всей силы грохнул кулаком по столу.

- Да ты не кипятись! Я ответил ему, как надо. Когда они у тебя дома устроили проверку, и тогда я попросил оставить тебя в покое. Похоже, уважили.

- Ах, вот оно что. Скажи правду, сколько он у тебя "кусков" оттяпал?

- Нисколько.

- Нет, ты все-таки скажи.

- Да я и без того в году несколько раз даю "долю". Но на сей раз уперся: мол, в лесу строиться не положено. Закон.

- Ты не тревожься. Если так, пусть придет и снесет мой "дом". То есть камышевую сторожку.

- Да знаю, знаю... Вот вернулся бы к Маисе, не было бы таких проблем.

Рахман встал и устремился к дверям. Вдруг обернулся и с порога бросил:

- Спасибо за заботу обо мне.

Рахман шел удрученный мимо школы, когда к нему подбежал Азер, обрадовавшийся встрече.

- Пошли к нам?

- Спешу. Дела у меня. В другой раз.

Но мальчик не отставал. И вдруг обиженно выпалил:

- Знаю, почему вы не ходите к нам. Из-за того, что люди языками чешут.

Рахман опешил.

- И ты, значит, слышал.

- Конечно.

- Тогда ты на меня сердишься, наверное.

- Сержусь? Зачем? Я знаю, что все эти слухи распускает наш сосед, проклятый Мамед.

Пришлось ему последовать за мальчиком.

- Мама, смотри, кого я привел!

Сарвиназ вышла им навстречу.

- Месяц не виделись...

- Ты же знаешь почему.

Она отослала сынишку за хлебом, а сама подсела к Рахману.

- Не казись из-за меня. Пока этот подонок Мамед ходит по земле, молву не остановишь. Я жалею только о том, что ты семью разрушил.

- Она сама так хотела.

- Мы были с сыном в Баку. Навестили Адила. Кто-то ему в тюрьму настрочил о нас. Но он не поверил. А тебе велел передать, - мол, пусть нас бережет...

- Говоришь, не поверил?

- Нет.

- Это хорошо... Это... по мне... До сих пор я боялся одного только - как смогу его убедить, что между мной и тобой ничего не было.

Он откинул голову на спинку дивана и долго оставался в раздумьях.

К вечеру спустился во двор. Увидев деревянный забор, удивился:

- Мы же с Адилем купили металлическую сетку. Где она?

- На задворке. Да уже, наверное, и заржавела...

Адиль-то был не рачительный хозяин, никудышный, мож-

но сказать. Только и знал, что костяшками счетов щелкать у себя в лавке.

Рахман, глядя на разбитую шиферную кровлю, на стройматериалы, рассыпанные по подворью, на веранду, прикрытую целлофаном, мысленно пожурил друга. Да... ведь сорил деньгами, в еде-питье себе не отказывал, а до собственного дома руки не доходили, видишь ли.

Нашел рулон сетки, опоры, извлек откуда-то резку, и взялся крушить деревянную рухлядь - забор. Остальные помогали. Устроили - что-то, вроде субботника домашнего. Провозились допоздна. Вот и новая ограда готова.

После ужина дети легли спать.

- Спасибо тебе. Хоть дети повеселели. - Она постелила ему в прихожей, на диване.

- Ну, отдыхай. Спокойной ночи.

Хотела пройти к детям, как вдруг: звонок в дверь. Раз, другой, третий...

Она побледнела. Губы дрожат.

"Кто это - на ночь глядя?" - подумал он. Вышел с Сарвиназ, но к воротам не приблизился, стал поодаль.

На улице маячил какой-то мужчина.

- Чего тебе надо? Зачем пришел? - тихо, подавляя гнев, спросила она.

- Послушай, нельзя же быть такой жестокой... Разве не видишь... сохну по тебе. Как тебе доказать, что по уши втюрился, как юноша зеленый...

Рахман больше не мог сдерживаться. Взял Сарвиназ за руку:

- Ты иди в дом. Я сейчас. Отперев дверь он не поверил своим глазам. Перед ним стоял прокурор Салим.

- Привет, блюститель закона! Ты уладил все дела, а теперь принялся за ночные похождения... Чужих жен соблазнять?

Салим поначалу было растерялся, но вскоре захорохорился:

- Тебе-то что за дело, дед-дервиш?

- Я т-тебе покажу...

Рахман схватил его за ворот, но прокурор высвободился.

- А кто ты такой? Муж ей, брат или сват?

- Не твоего ума дело.

- Давай-ка не будем тут шум поднимать. Садись в машину, отъедем, потолкуем в сторонке.

- Я в машину такой погани не сяду. Езжай, жди меня у лесной дороги.

Сказал и вернулся, а Сарвиназ:

- Не отпущу!

- Дай пройти, - резко бросил он.

Но Сарвиназ стояла как вкопанная:

- У него - пост, денег куры не клюют., за ним власть., не связывайся...

Рахман поднялся, обулся, и не слушая увещаний, вышел.

Прокурор ждал на отшибе, у дороги, прохаживаясь возле машины. Увидев Рахмана, он спросил:

- Ну что, сразу в кулаки, или попытаемся объясниться?

- А чего объясняться?

- Ты должен зарубить себе на носу - от Сарвиназ я не отстану. Рано или поздно она должна быть мо...

Рахман не помнил, как он с размаху врезал кулаком в мясистое наглое лицо. Салим зашатался, но, опомнившись, ответил ударом в челюсть. Рахман упал навзничь. Салим насел и продолжал молотить. У Рахмана кровь пошла носом. Рубашка и пиджак были в крови. Но, собравшись с силами, он отбивался.

Рахман чувствовал, что выдыхается. "Выяснение отношений" было явно не в его пользу. Прокурор с видом победителя направился к "Волге". Уже в машине он достал носовой платок и приложил к губам.

- Это тебе дорого обойдется...

- Насчет цены не знаю, но если ты хоть краешком глаза на нее посмотришь, пеняй на себя.

- Кого пугаешь? - в голосе Салима сквозила насмешка.

Рахман презрительно сплюнул и поплелся обратно.

Сарвиназ ждала его на улице, вся дрожая от страха и холода.

Увидев его, всхлипнула:

- Говорила же - не ходи. Ты посмотри на себя... Этот боров на свой карман, на положение надеется, а ты-то на что?..

"Да... правда... на что я рассчитываю?" - подумал он про себя и упрекнул ее:

- Что ж ты умалчивала о прокурорских "страстях"?

- Стоило ли говорить?

Они говорили шепотом, чтобы не разбудить детей. Сарвиназ принялась приводить незадачливого заступника в порядок: протерла спиртом ссадины, пятна крови на лице, на шее, раны смазала йодом. Сказала несколько утешительных слов, пожелала спокойной ночи, понимая, что после такой передыжки, ночь вряд ли может быть спокойной... И ушла к детям.

Рахман, лежа в чистой мягкой постели, долго не мог сомкнуть глаз. Он отвык от таких простых бытовых удобств. Устремив взгляд на потолок, он думал о своем странном двусмысленном положении, похожем на плен. Пленник... и защитник...

Уйдя из своей семьи, он, волей-неволей, всецело оказался во власти притяжения другого очага, и его "лесная независимость" была только видимостью свободы. Над ним довлела воля другой женщины, и сколь ни приятна была эта ласковая, заботливая женская власть, столь же тревожно и мучительно было ощущение близкой и недоступной красоты... Перед глазами всплывало давнее видение юной красавицы, спящей в цветастой ночной рубашке с длинными распущенными волосами на белоснежной подушке... Он представлял ее такой же и сейчас, с длинными, смежающимися ресницами, отягощенными сном...

Годы мало изменили ее внешне, разве что чуть располнела, и, пожалуй, все. Его тревожно-сладкие видения вспугнула отрезвляющая и порицающая мысль:

"О чем я помышляю!.. С кем я себя сравниваю!.. Ведь нас разделяют полтора десятка лет... И я для нее "халу"...

В комнате рядом, тихо. Спят. Он встал и на цыпочках про-

шел в кухню. Хотелось пить. Напившись из чайника давно остывшей воды, он приоткрыл дверцу холодильника: кусок сливочного масла в свертке - и все. Обвел взглядом кухню. В банке - рис, в другой - вермишель. "Может, припасы в подвале держит?" Спустился туда. А там - груды картошки, репчатого лука, да муки пара килограммов.

Такое, значит, у них житье без хозяина в доме. Он почувствовал укор совести: "С Адилем пуд соли съели, а вот как его семье живется, как они концы с концами сводят, я и не ведал..."

Он знал, что Сарвиназ работает в ковроткацкой мастерской по договору. Получает в начале месяца шерсть, прядет из них нити, вяжет разных размеров шерстяные носки, сдает к концу месяца и получает соответствующую плату, не ахти какую.

- Как же они на эти гроши живут-то? - впервые задался он вопросом.

Теперь-то ему стало ясно, почему Сарвиназ все время возилась с вязаньем, нитками. Закончит хлопоты по дому и - сразу за спицы. Даже когда детям помогала готовить уроки, и с соседками беседовала, или с ним, Рахманом, - знай себе, все вяжет. Но никогда не плакалась, не ныла. Не любила она этого - такой уж нрав. Рахман завидовал ее стоическому характеру.

Наутро, узнав что Сарвиназ собирается отправиться в село - навестить отца, Рахман поспешил в управление. Выпросив на пару часов "уазик", он накупил в магазине продуктов, половину завез в свой дом, половину - в дом Сарвиназ.

Азер, видя, как он разгружает пакеты в подвале, сказал:

- Мать рассердится.

- Не беда, - усмехнулся он. - Исчезну, пока ее гнев не остынет...

Через неделю под вечер он заглянул во двор:

- Будешь ругать - не войду...

Сарвиназ молча улыбнулась. Рахман зачастил в этот дом. Дом и подворье преображались. Уже и шиферная кровля ста-

ла как новенькая. И веранда сияла застекленными окнами. Азера он учил резьбе по дереву. Порой наставник и ученик проводили за этим занятием целые часы. Сарвиназ издали наблюдала за ними, радуясь новому увлечению сына. Но эта идиллия продолжалась в пределах дома. А за его стенами, вовне, их ждала иная, тягостная жизнь, колючие, осуждающие взгляды, шушуканье за спиной, ехидные смешки. Потому они старались пореже показываться на людях.

Рахман обычно приходил в сумерки, уходил утром, засветло. Сарвиназ выходила из дому раз в неделю за покупками. Она открыла для себя нового человека, удивлявшего ее чуткостью, предупредительностью и участливостью. И ей после грубого, бесцеремонного Адила, дававшего волю рукам и не стеснявшегося в выражениях, такой союзник и друг доставлял утешительную радость. И сердце ее, озябшее, измученное и заледевшее от невезучей и горькой доли, оттаивало.

Когда Рахман был у них, возился с детьми, помогал по хозяйству, ласково заговаривал с ней, она невольно вспоминала тяжкие дни, прожитые при муже, подушку, орошенную слезами, ночи без сна, и со страхом думала, что это может повториться. И сердце начинало щемить от боли.

Не любила она Адила, и за все прожитые годы не смогла прикипеть к нему сердцем, привыкнуть, привязаться. Когда он, беспардонный, самодовольный, привередливый, по ночам входил к ней, "перевоплощаясь", изъясняя пылкие чувства и требуя столь же пылкой реакции, но, не дождавшись, переходил к оскорблениям, это превращалось для нее в пытку. В отместку он пускался гулять на стороне, но, не замечая никаких признаков ревности с ее стороны, испытывал еще большую уязвленность.

- Почему ты равнодушна ко мне? Почему так холодна? - спросил он однажды.

- С утра до вечера осыпашь меня бранью, оскорблениями, а теперь требуешь любви? Пустое дело...

Адиль, взбешенный, накинулся на нее с кулаками.

- Я никогда не полюблю тебя, слышишь, никогда! - бросила она ему в лицо, заливаясь слезами.

Воспоминания об этих днях отзывались болью в сердце. Забота же Рахмана, радость, которую ему доставляло исполнение ее самой незначительной просьбы, удивляли ее. Ей не верилось, что есть такие добрые люди на свете, с ним было легко и надежно, находить общий язык с этим "лесным отшельником", похожим на дервиша, говорить с ним о самых обычных земных делах и заботах было куда проще, чем со статным, представительным, с шиком одевавшимся Адилем.

Чуткость Рахмана приводила ее в изумление: хлебнув лиха с Адилем, она уже склонялась к мысли, что все мужчины столь же грубы и несносны в семье, в обращении с женами. Хотя прошло уже изрядное время, как Адиля посадили, страхи, которых она натерпелась, тревожили и преследовали ее в кошмарных снах.

Да еще и домогательства Мамеда лишали ее покоя. Не okazись тогда Рахман случайно поблизости, кто знает, чем бы все обернулось. А теперь вот появился голубоглазый блюститель закона; то и дело он попадался ей на глаза, стоило выйти в город, откуда ни возьмись, появлялась "Волга" и кралась за ней по пятам, сидевший за рулем "ухажер", совершенно не обращая внимания на прохожих, кажется, получал удовольствие от такого преследования и доводил ее до тихого ужаса: возвращаясь домой, она тряслась в бес- сильном гневе.

Как-то вечером, вернувшись с улицы, к ней подбежала Нигяр со свертком в руках.

- Это какой-то дядя передал.

Сарвиназ раскрыла сверток, а внутри серьги с бриллиантами. У нее закружилась голова. Она быстро выбежала к воротам, наивно надеясь тотчас увидеть дарителя и швырнуть ему в ноги дорогой подарок...

Наутро к дому опять подкатила "Волга". Она только этого и ждала, чтобы бросить сверток с серьгами через приспу-

щенное стекло в машину.

- Думаешь, честь можно купить? Бесчестный! Не доводи меня до того, чтобы я тебя на людях опозорила!

Но преследования не прекращались. Вечерами она не знала, как быть, ей мерещилось, что из-за каждого угла на нее глядят хищные, горящие глаза. В отчаянии даже красоту свою проклинала. После того, как Адиля арестовали, она ведь и обнову остерегалась одеть, прихорашиваться, наряжаться перестала, чтобы избежать сальных взглядов.

Не ведавшая настоящей любви, с восемнадцати лет жившая в постоянном страхе и терзаниях, только с Рахманом она чувствовала себя в безопасности и покое.

При виде его доброго, красивого лица, крепкой стати, улыбки, у нее улучшалось настроение, таяли все страхи.

Дети к нему сильно привязались. Рахман, истосковавшийся по своему единственному сыну, утешал отцовскую тоску в общении с детьми Сарвиназ и не скупился на ласку, выдумки и забавы.

...Наутро, подойдя к лесной сторожке, он оцепенел: под рухнувшим камышевым жилищем виднелась разбросанная посуда, одежда.

"Салим... Это его рук дело!.. Хочет отомстить, запугать..."

Долго он стоял без движения. Вдруг у него мелькнула мысль: "Может, он из-за кустов следит за мной? Злорадствует, потирая руки? Хихикает про себя?" Такое маловероятное предположение, как ни странно, придало ему сил, помогло собрать волю в кулак. Он стал собирать разбросанные вещи, утварь.

- Не запугаешь!.. - сказал он вслух, будто хотел сам себя уверить в этом. - Со свету не сживешь... ваше прокурорское степенство!.. Я назло тебе отгрохаю новую сторожку.., глаза у тебя на лоб полезут...

* * *

Джалил, стоя у пруда во дворе, глазел на бумажный корабль

лик, плывший по воде. Рахман, издали наблюдая за сынишкой, почувствовал ноющую боль в сердце. Раз в месяц он приходил домой, оставлял деньги и продукты и, позабавившись часок-другой с мальцом, уходил. Семейные неурядицы сказались и на мальчике - он стал неразговорчивым, замкнутым.

Глядя на сына, он замечал удивительное сходство с самим собой - он тоже любил вот так уединяться, часами предаваясь своим мечтаньям и тихим играм в одиночестве. Теперь, с уходом отца, эта склонность в мальчике обозначилась резче. Вся его душа заключалась в этом маленьком существе, как душа сказочного дива-чудища, заключенная в какой-нибудь склянке. Вся радость и горечь, весь смысл жизни Рахмана сосредоточились в этом человечке.

Подобравшись незаметно, Рахман играючи, прикрыл сыну ладонями глаза, и ощутил прикосновение длинных ресниц.

- Спроси же, кто? - не выдержал мальчик, догадавшись и включившись в игру.

- Ах, да... Кто я, каковский? - спохватился отец.

- Таковский.

- А чей?

- Таковский сын таковского.

Мальчик рассмеялся и повернулся к нему. Рахман обнял, расцеловал, приложил губы к непокорным, жестким кудрям. Усадив мальчика себе на плечи он забегал по двору вокруг грушевого дерева. Сынишка, изловчившись, ухватился за нижний сук и повис. Рахман отошел в сторону, и тогда Джалил начал страшать:

- Ой, упаду!

Рахман залился смехом.

- Вот-вот сорвусь...

- Ну-ну.., - ухмылялся отец, дразня.

Но мальчик и впрямь упал, ушибся, заохал. Рахман кинулся к нему, начал успокаивать. Потом щелкнул пальцем по носику:

- А я-то думал, ты силач!

Почувствовав на себе взгляд Маисы, он обернулся. Она мигом исчезла с веранды.

Заметив это Джалил насупился.

- Что с тобой?

- Ничего, - ответил мальчик и направился к пруду,- стал опять играть с бумажным корабликом. Больше Рахман от него не смог услышать ничего, кроме односложных "да" или "нет".

Рахман поднялся на веранду и положил на стол деньги.

- Что-нибудь нужно... для дома?

- Нет.

- Я Джалилу лекарство приготовил... Вот... Давай ему неделю перед завтраком. - И извлек из кармана флакон. - Обязательно. Что-то цвет лица его мне не нравится...

- Ладно...

- Сама-то ты как?

- Ничего... Живем..., - вздохнула она, поспешила во двор и там стала громко бранить мальчика, кажется, промочившего одежду.

Рахман понимал, что ее преувеличенная, демонстративная досада - камушек в его огород.

Окинув дом прощающим взглядом, он молча ушел.

...Жемчуга источали мерцающее, магическое свечение - белые, голубоватые, розовые... Никогда она еще не видела такого множества жемчужных нитей, ожерелий. Прилавки ювелирного магазина напоминали сказочную сокровищницу. Она перебирала маняще красивые ожерелья, любовалась, примеряла, глядясь в зеркало, и сама удивлялась прекрасной женщине, отражавшейся в нем, - ей так шло это белое колье...

- Берете? - деловито спросила продавщица.

- Конечно.

- Тогда отложите то, что выбрали.

Она надела несколько нитей разного цвета - белое, голубое, розовое сияние... Затем сняла, завернула и ликуя от невероятной радости вышла из магазина, но на пороге осту-

пилась и выронила попку. Жемчуга рассыпались, покатились по пыльному тротуару и истаяли, как снежинки... Радость улетучилась, и к горлу подступил ком...

Сарвиназ проснулась, еще переживая горечь приснившейся потери... Она вспомнила приметку: жемчуг снится - не к добру. К слезам...

Когда Адиль пошел под суд, помнится, тоже снилось такое. И накануне смерти матери снилось, что прихорашивается перед зеркалом с ожерельем на шее...

У нее защемило сердце. Включив ночник, она глянула на часы: без четверти четыре... Поняв, что уже не уснуть, она встала, убрала постель и вышла во двор. Кругом темным-темно. Подошла к крану, открыла, присела на корточки и прошептала бегущей воде: "Пусть святой Юсуф сон мой к добру обратит..."

Походила неприкаянно по подворью, не зная, за что взяться, чем заняться, вернулась в дом, села на кухне и, заметив на столе письмо от Адила, принялась перечитывать: "Здравствуй, Сарвиназ! Как ты, как живется тебе? Как дети? Удастся ли тебе прокормить их, одеть, обусть? Слушаются ли тебя?"

Эх, знала бы ты, как я истосковался! Я бы все отдал за встречу с тобой, за то, чтобы ощутить рядом твое дыхание... Верно говорят, человек ценит свое счастье, только потеряв его... Да, я часто обижал, мучил тебя. Душа болит, как вспомню о тех временах. Самых дорогих чаще всего и обижаешь. Так и я. Поверь мне.

Страх закрадывается в душу - мне все кажется, что не дождешься меня, выйдешь замуж за другого. Кто знает, может, и есть уже кто-то на примете у тебя... Понимаю, такой красивой, молодой, оставаться одинокой - не легко... При мысли об этом в глазах темнеет, свет не мил, жить не хочется. За детей я не очень-то тревожусь, какие-никакие, а вырастут. Когда выйду на волю, Азеру стукнет шестнадцать, и Габиб, и Нигяр подрастут. Меня тревожит только твоя

участь, только из-за тебя я теряю покой..."

Дальше она не могла читать, так как в страхах Адилья было нечто оскорбляющее ее, унижающее ее достоинство. Адиль, ревновавший ее со дня женитьбы, закатывавший безобразные сцены, изводивший ее из-за никчемных подозрений и больного воображения, не отрешился от них и теперь, посылая ей мнимо-заботливые излияния души. Адиль, в сущности, никогда не верил ей, и, быть может, потому она и не могла полюбить его и впредь ее сердце останется дверью за семью замками для него.

"Так и жизнь моя пройдет, без смысла, без отрады, и никто не узнает, что в сердце у меня пустота, что жизнь моя безрадостна".

Она проклинала день, когда Адиль решил силой увести ее к себе. Прошло немало лет, но она никак не могла простить этого циничного, унижительного поступка, причинившего горе ее матери и отцу, ославившего их на миру, заставившего ее сестер и братьев ходить с опущенной головой. Вспоминала и двоюродного брата Самеда, с которым вместе росли и были помолвлены. Самед нравился ей, а он был по уши влюблен в нее, и кто знает, не встань на их пути Адиль, может, она была бы счастлива с Самедом. Беда, случившаяся незадолго до свадьбы, переменяла все, убила в ней интерес к жизни, лишила ее радости бытия. Та ужасная, роковая ночь как-то сразу сделала ее взрослей, ее словно подменили, в душе поселилась нескончаемая печаль.

Адиль всячески обхаживал, утешал ее, осыпал подарками, одаривал модными платьями, но она и смотреть не хотела на эти дары, и лишь после его назойливых просьб, нехотя облачалась в обновки, и это нежелание воспринималось им с обидой, как неблагодарность.

"Какое же оно - счастье?.. - задавалась она горестным вопросом. - Где оно затерялось-запропастилось, за что мне такое наказание?.."

При мысли о Рахмане ей становилось легче, горечь ухо-

дила, отступала, и она связывала свою неосуществленную мечту с этим человеком. Это была несбыточная, невозможная блажь, она будет довольствоваться тем, что есть, лишь бы раз в неделю видеться с ним, ухаживать, заботиться, стирать и гладить его одежду, лишь бы ощущать на себе теплый и добрый взгляд его глаз, слушать его бесхитростные слова, предоставлять ему пристанище, кров, уют... И не более того... Этот крепкий, плечистый трудяга, этот странный отшельник свил в ее душе тайное гнездо, заронил искру, и каждый раз, сама того не ведая, она распалила эту искру, и хотя этот тайный огонь обжигал ее, обрекал на затаенные терзания, слезы, он не мог лишить ее внешнего спокойствия, выдержки, да она и не смела, не имела права терять их.

Рахман взял на отшибе земельный участок, развел огород и сажал там картошку, фасоль, кукурузу, просо... Однажды Сарвиназ наведальась с детьми в огород и застала его наполняющим картошкой два мешка. Это растрогало ее до слез. Мешки предназначались двум домам, все отдавал им. Лесные дары - орех, фундук, шиповник, боярышник, облепиха, калина, рябина - радовали их и шли на пользу благодаря его заботам. Бывало, он приподносил засахаренные ягоды в банках.

Она дивилась такому трудолюбию. Ее покоряло и то, что каждый раз он не забывал приносить из леса какой-нибудь диковинный цветок, красивую веточку: с весной появлялись дома подснежники, лесные фиалки, ландыши, лютики и другая безграничная душистая, благоухающая, нежная красота. А то еще и "биографию" каждого цветка, травы поведает, и то, против какой напасти помогает и каким образом. Сарвиназ представляла, каких трудов ему стоило выискивать, находить, собирать эту благодать.

Как-то он протянул ей пучок:

- Это гьюльбер*, враг моли. И запах приятный. Положи в

шкаф - моль к одежде не подступится.

Она понюхала и рассмеялась.

- То-то, думаю, какими-такими "лесными духами" от тебя всегда пахнет.

- Не нравится?

- Напротив.

- Я и в карманах ношу листочки. Не часто встретишь это растение. Оно растет в особых уголках, и разглядеть его в разнотравье непросто. Сегодня прилег в лесу на травке, усек запах - и вот.

Она уловила тонкий аромат. Только сейчас она заметила нежные цветы, выглядывавшие из вазочки на шкафу ночные фиалки. Наверное, вчера принес. Спешил, даже не присел, а вот, надо же, о фиалке позаботиться успел.

Взяв вазочку она вдохнула аромат, не могла налюбоваться. Только сейчас догадалась, почему не заметила сразу, - днем их венчики сворачиваются, а раскрываются по ночам. Найти, угледеть ночную фиалку в лесу не каждому дано.

Какое же нежное сердце у этого крупного, нескладного человека! Такой галантный - другого слова и не подыщешь. У Сарвиназ на душе теплело.

Слыша досужие сплетни, рассказы о том, что по ночам у него в сторожке нечистая сила, духи, джины собираются, что он, дескать, колдун, ведун, знающий язык зверья и птиц, она переживала за него. В этих слухах смешались суеверное почитание, трепет, страх, опаска. А Рахман был самым, что ни на есть, обыкновенным человеком, может, чуточку странным, нелюдимым, но умеющим быть нежным и чутким.

Вдыхая аромат ночных фиалок, она думала: хорошо, что есть такой человек. Она так к нему привязалась, что не усматривала в его визитах ничего предосудительного, и, когда родня, соседи намекали ей на кривотолки, на зазорность и двусмысленность этих визитов, она искренне возмущалась и обижалась, пытаясь переубедить советчиков. Рахман - друг Адила, и этим все сказано, как он захаживал к ним встарь

по-свойски, по праву дружбы, так должно оставаться и впредь. А уж тем более, что у человека нелады в семье, все по горам - по долам мыкается, какой же грех накормить его, постирать-погладить одежду. Но она не могла их убедить в том, что только этим и ограничиваются их отношения, хоть из кожи вон лезь, хоть кол на голове у них теши - не могла...

К ней только затем и ходили, чтобы "вразумить", научить уму-разуму, "предостеречь от плохого пути". И это ее уязвляло. В ее глазах Рахман был совершенно другим человеком. Она, конечно, чувствовала, что он равнодушен к ней, но знала и то, что он умеет держать чувства в узде и никогда не позволит себе лишнего. Ему она верила и доверяла больше всех на свете.

Письмо Адиля лежало перед ней, и глядя на неровные буквы, она вдруг почувствовала неприязнь, похожую на отвращение и, порывисто выхватив листок, мстительно изорвала в клочья и бросила в мусорку.

***

...У обочины дороги под ореховым деревом, возле запряженной арбы, корчился и стонал на траве человек.

Рахман подошел к нему:

- Чего маешься?
- Колики..., желудок...
- Случалось раньше?
- Чтобы он лопнул..., разве был день, чтобы не болел?..

Мужчина был без сил. Он судорожно сжимал руки, будто тем самым пытался облегчить боль.

- Давай-ка отвезу в больницу.

Мужчина не отозвался. Рахман поднял мужика с травы, понес к арбе и уложил его. Затем сам присел рядом, дернул поводья и поехал.

Больной открыл глаза. Похоже, полегчало.

- Я живу на отшибе села...
- Как звать-то?
- Муслим. А ты - из чьих? Где трудишься?

- Лесник я.
- Рахман?
- Он самый.

Больной смолк. Так доехали до его дома. Навстречу им выбежали два мальчика и, увидев незнакомца, а рядом бледного отца, слезавшего с арбы, кинулись назад:

- Мама, скорей выходи!

Вышла дородная хозяйка в ветхом платье и помогла войти мужу. Больного уложили на кровать.

- Спасибо. Да хранит тебя Бог, - поблагодарил слабым голосом Муслим.

- Что ж не возьмешься за лечение?
- Эх..., недосуг!
- В больнице лежал?
- Куда там...
- А что сегодня ел?
- Что Бог послал...

Рахман - к хозяйке:

- Чем кормила мужа?
- Ну, картошка была. А утром - сыр, масло, хлеб...
- А вчера на ужин?
- Вареные яйца. А что?
- А то, что больному желудку только жидкое можно, бульон и прочее...

- Эх, брат, хлопот полон рот... Не до такой стряпни...

- По-твоему, если руки не доходят, муженьку протянуть ножки, что ли? Сколько у вас детей?

- Восемь, голубчик.

- Ну вот. Если с кормильцем что стряется, что с ними будет? Диета нужна! В день дважды - жидкие блюда! И молочное полезно. Простокваша опять же. Хозяйка, дорожи мужем, береги его.

Вошла юная девочка - красавица. Увидев отца ахнула:

- Отец! Опять у тебя приступ?

- Да, Гюляр...

- Ты отца любишь? - строго спросил Рахман.

- Еще бы!

- Глянь на его ноги.

А на ногах рваные носки. Девочка залилась краской.

- А если ему в гостях разуться придется - люди увидят, что подумают?

Этот упрек адресовался, по сути, хозяйке. Бедность и убожество дома удручали.

- Может, все-таки в больницу, а?

- Нет, брат. Никуда не пойду. Чему быть, того не миновать...

- Со здоровьем шутки плохи. У тебя дети мал мала меньше. Подумай хоть о них.

Он смотрел на осунувшееся бескровное лицо крестьянина, и сердце сжималось от жалости. Хозяйка в своем жалком отрепье производила не менее гнетущее впечатление.

Рахману стало совестно за свои слишком строгие укоры. "Да, десять ртов, трудно им сводить концы с концами". Как им помочь?

- Лечить нужно мужа, хозяйка. Боюсь, ты не справишься. Я его у знакомых устрою, там за ним поухаживают.

- Как знаете.

Он повез больного в райцентр.

Сарвиназ, увидев его с незнакомой четой, не стала ничего спрашивать - пригласила в дом.

Рахман отвел ее в сторонку.

- Страдает желудком... Запустили болезнь... Дома - детей куча, руки не доходят... Лекарства нужно ему принимать..., диету соблюдать... Вот я и подумал..., мне больше не на кого рассчитывать...

- Я помогу...

Сарвиназ согласилась с радостью: теперь и Рахмана чаще будет видеть у себя.

- Не знаю, как тебя и благодарить.

Она проводила до ворот Сабиру - жену больного.

- Будь спокойна. Коли Рахман халу дал слово, - обя-

зательно поставит его на ноги. Он и меня выходил, спас, можно сказать.

Сабира, расчувствовавшись, обняла ее:

- Хвала Богу! Он тебе даровал и красоту, и большое сердце!

Кухня благоухала Рахмановой травяной медициной. У него тут и шкаф "свой" был.

Рахман в комнате возился со своими склянками. Сарвиназ уже и сама знала названия всех целебных трав и цветов и вслух произносила их, как на уроке. Рахман рассмеялся:

- Вызубрила! А дети где?

- На улице.

- То-то так тихо. Постели нашему пациенту внизу: так и ему посвободнее, и вам.

Она приготовила постель, а Рахман занялся отварами и настоями. Осознание пользы своего дела приносило ему радость. Сейчас он думал: как хорошо, что он сам не подвержен никакой хвори. До сих пор он никогда не болел, разве что иногда голова болела, но это вскоре проходило. Он сердился на тех, кто чуть что хватался за пилюли, таблетки. Пытался вразумить: химическое средство - палка о двух концах, в чем-то поможет, а в чем-то и навредит, одному органу - на пользу, другому - во вред. Лучше бы обходиться без такой медицины. А естественных, природных лекарств - не перечеть. Не найдешь одно, так другое сыщется. И слава Богу, не обделил наши края - куда ни глянь - целебные травы. Чем бегать по аптекам, лучше уж потратить время на их поиск.

Маловеров он убеждал примерами из своего опыта, из вычитанного в книгах, будил интерес к многовековой народной медицине. Он немало читал о восточной медицине, сопоставлял все с собственными выводами, вновь и вновь проверял на личной практике.

После размолвки с Маисой он всецело погрузился в эти занятия. Отмечал в отдельной тетрадке способы лечения,

примеры из практики, рецептуру приготовления отваров и настоек.

Прихватив свою фармакопею, он вошел в комнату, где лежал Муслим.

- Скучаешь?

- Нет.

- Сарвиназ тебе постель внизу постелила... Позже спустишься туда. Буду тебя лечить только целебными растениями.

- Я утруждаю вас... Да и Сарвиназ баха* причиняю хлопоты...

Рахман устроил больного, поручил Сарвиназ, как и чем его потчевать и ушел.

баха* - старшая сестра (лезг.)

ГЛАВА IV

- Мама!

- ...

- Ну, мама...

Сарвиназ, занятая вязаньем, подняла голову.

- Что не отвечаешь? - надула губки Нигяр.

- Ну, что тебе?

- Мама, а ты хотела бы, чтобы Рахман халу был нашим папой?

Сарвиназ вздрогнула:

- Откуда это взбрело тебе в голову?

- Так.., - потупилась Нигяр. - Просто спросила...

Сарвиназ не понравились такие речи. Но ей было ясно: Нигяр говорит то, о чем думает. Как все дети. Тем не менее, неожиданный вопрос дочери ее огорошил, ошеломил.

"Будто сама не хочешь того же..." - укорила она сама себя.

- Больше не говори этого, дочка.

- Ну, почему? Если Рахман халу станет моим папой - что в этом плохого? - Нигяр чуть ли не плакала.

- Замолчи! - рассердилась мать. - Хватит об этом!

Нигяр обиделась и ушла во двор, а расстроенная мать продолжала вязать. Вязание успокаивало, отвлекало от тягостных мыслей. Вязать она научилась сызмала у матери, которая вязала им всем исин гюлютар*.

- Почему ты себе носков не свяжешь? - спросила у нее как-то маленькая Сарвиназ, видя, что мать ходит в заштопанных носках, а их, мальцов, балует разноцветным рукоделием.

* исин гюлютар - шерстяные носки с национальными узорами (лезг.)

- Эх, доченька... Дел невпроворот... Руки не доходят.
- А для нас время находишь?
- Вы же мои кровинки, - мать окатила ее теплом ласкового взора.

- Тогда я тебе сама свяжу!

Научилась, связала! Она подошла к матери, стащила с ее ног заштопанные носки и надела новые.

Мать расчувствовалась до слез. Она прижала дочурку к груди и расцеловала. Ей тогда было восемь лет отроду. То было первое рукоделие Сарвиназ. Потом она одела своим вязаньем всех домочадцев. Научилась вязать свитера, жилетки... Это станет для нее незаменимой отдушиной в будущей жизни...

- Доченька, сходи, поиграйся с подружками, нечего сиднем сидеть! - Журила, бывало, мать. Домовитость, усердие дочери ее радовали, но и тревожили. "Как бы не зачахла, не засиделась в девицах..." Но, ничего не попишешь - росла хозяйка. И стряпуха уже, и в стирке поднаторела, и корову доить научилась. И все-то сделает честь по чести, как заправская хозяйка.

- Ты - опора очага. Счастливец тот, кому ты встретишься на пути, - хвалила мать.

Но, знать, не от твоего разума зависит счастье. Не всем оно выпадает, будь даже умница, красавица-раскрасавица. Недаром же говорят: не родись красивой, а родись счастливой. И вот, когда мать услышала, что ее ненаглядную дочурку силой ввели в чужой дом, слегла бедная от горя, занедужила. Боль пережитого потрясения не покидала ее до скончания дней...

Вспоминала Сарвиназ обо всем этом, и минувшие времена оживали перед ее взором, горько-щемящая волна захлестывала сердце. Ладно еще, что судьба ниспослала ей ласковых, послушных детей, а то бы не вынести, не перетерпеть адских терзаний, выпавших на ее долю в семейной жизни.

Она довязала последний узел шерстяного свитера, окинула

свою работу строгим, придирчивым взглядом. Для Рахмана связала. Хорош свитер, любо-дорого смотреть. Улыбнулась, довольная. И подумала, что за все эти годы Адилю не связала ничегошеньки. Детям - да, и все хвалили ее рукоделие, а вот мужу - ничего. Даже в голову не приходило. Да и душа не лежала, не было такого желания.

Рахману связала на удивление скоро и споро. Еще раз оглядев работу, она разгладила, бережно сложила и завернула свитер в плотную бумагу.

Со двора доносились звонкие голоса детей. А у Муслима - их "стационарного больного" дела шли на поправку, боли, колики прошли. Теперь ему не терпелось отправиться домой. То и дело твердил: пора мне восвояси, хочу домой. А Сарвиназ ему: повремени, без ведома Рахман халу негоже уходить.

- Эх, баха, сейчас разгар страды, надо прополкой заняться... Сеном запастись... А то ведь животное без прокорма останется. Моя половина, с восьмерыми мальцами не управится. А я тут "загораю"...

- Ничего себе "загораю".

- Честное слово, я у тебя как в санатории... И отдых, понимаешь, и меню - отменное... Видишь, поправился. Тут, видать, и облепиха Рахманова сыграла роль.

Как ни уговаривала она его обождать - не помогло. Ушел все-таки.

Через день, под вечер, явился с женой Сабирой.

- Да благословит вас Бог... Век не забудем... Облагодетельствовали! Всю жизнь будем помнить...

- Чего это ты рассыпаешься в любезностях, Сабира? - крикнул, усмехаясь, вошедший во двор Рахман. Он подошел, поздоровался и задержал взгляд на подопечном: аж щеки разругнулись. Рахман был доволен.

- Никак "выписывать" мужа пришла? - спросил он. - Вот заботилась бы о нем в свое время - не довела бы до жизни такой.

- Верно, Рахман стха, - Сабира не обиделась на подтруни-

вание.

- Хочешь сказать, впредь будешь холить и лелеять? Так я и поверил...

- А сам-то он - что? Не дитя ведь малое. Пусть следит за режимом, требует, напоминает, ест вовремя...

- Сарвиназ, долго ли нам в дверях стоять? - проговорил Рахман с дружеской веселой укоризной. - Человек с дороги, пригласила бы в дом.

Муслим, смекнув, что Рахман не подозревает о его своемольном "бегстве", обрадовался.

Они шагнули к арбе, Сабира легко стащила привезенного барашка, да еще какой-то узелок.

- Это еще что за подношения?

- Меду вот чуточку привезла. И сыру...

- Только и всего? - притворно подсадовал Рахман.

Сабира приняла его слова за чистую монету и смутилась. Рахман с Сарвиназ переглянулись, не зная, как быть. Похоже, эти гостинцы их тоже повергли в конфуз. Сабира хотела было снести узел в дом, Муслим взялся за корзину, но Рахман удержал:

- Оставим пока тут, после поглядим.

Сели за ужин. Рахман наговорил подопечному еще целый ворох наказов, передал свои отвары-настои и растолковал, как ими пользоваться.

- Запомни, все это ты должен принимать месяц. Возобновятся боли - дай знать. Диету соблюдай. Никаких шашлыков, ничего острого!

Когда они спустились во двор, сыновья Сарвиназ уже погрузили дары на арбу. Муслим обиделся, Сабира - в слезы:

- Должно быть, не по душе вам наши дары.

- Эх.., своих детей обделили - а еще обижаетесь. Благодарю Бога, что я тебя за дверь не выставил! Еще раз такое увижу - разговаривать не стану! - выговорил Рахман и вошел в дом.

- Не сердитесь, ради Бога.., - попыталась загладить нелов-

кость Сарвиназ. - Уж такой у Рахман-халу крутой нрав, ничего не попишешь. Если кому помогает, так от чистого сердца, без всякой корысти. Потому и вспылит. Так что, не обессудьте.

- Но как же так? - Муслим все еще не мог прийти в себя от конфуза. - Вы же столько нянчились..., лечили..., выхаживали..., ну, мы и решили за добро... самую малость... из сельских своих припасов... Велика ли важность? Мы, видишь ли, люди бедные, но благодарные...

- Не берите в голову..., уж такой он человек... Его не переубедишь и не уломаешь. Лучше и не пытаться. Возвращайтесь с миром домой.

- Баха, мы все-таки..., - настаивала Сабира.

- Не надо вам переживать. Как-нибудь наведемся в гости к вам в село - тогда и "расплатитесь".

Кажется, обещание возымело действие. Гости поднялись на веранду, чтобы попрощаться с Рахманом и укатили.

Нигяр с Рахманом о чем-то беседовали. Азер цыкнул на сестренку:

- Хватит тебе языком молотить! Дай слово сказать.

- Что, Азер, хочешь сказать?

- Знаю, что из дерева фигурку вырезал, - вставила Нигяр.

- Даа?.. пошли, покажи.

В смежной комнате Азер показал Рахману фигурку.

Это был воин с мечом в руке. Рахман ахнул: хорошо сработано. Сердце окатило теплой волной. Хотел похвалить мальчика, но решил повременить.

- Дай-ка сюда нож.

Рахман взял нож и подправил кое-какие корявые детали. Дети следили за ним, затаив дыхание.

Сарвиназ, застав их за этим занятием, притихших, удивилась. Но, ни слова не говоря, тихонько удалилась на кухню.

Рахман окончил работу, отступил, окинул взглядом фигурку и обратился к Азеру:

- Ну как? Автор не в обиде?

- Что вы!

- Поздравляю с первым произведением!

Он пожал мальчику руку и поцеловал в лоб.

- А какую отметку вы ему ставите, Рахман халу? - спросила Нигяр.

- Четверку, - Рахман легонько щелкнул ее по носику.

- А почему не пятерку?

- Почему-почему, кочерыжкой по кочану...

- А все-таки?

- Не дотянул малость.

- В следующий раз он обязательно пятерку получит. Дай, слово на ушко скажу...

Рахман послушно склонил голову.

- Азер тигровую фигурку вырезает...

- Ай-яй-яй... Что же ты творческий секрет выдаешь...

Позже, уложив детей, Сарвиназ преподнесла ему подарок.

- Это я тебе связала.

- Надо же... Стоило ли так утруждать себя?

- Что, не нравится?

- Как это "не нравится"? Загляденье!

- Тогда надень.

Свитер оказался к лицу, ладно облегал крепкую фигуру.

- Тебе идет!

- Да ладно уж., какой из меня, старичка, щеголь! - Снял, бережно свернул. - Спасибо за труд, ты бы себе лучше связала.

Сарвиназ постелила ему и ушла к детям. Азер не спал.

- Что не спишь, сынок?

- Не спится.

- Почему?

Сарвиназ ласково обняла его и почувствовала: вырос, окреп ее сыночек.

- Сколько времени уже как отца увели?

- Четыре года.

- А что?

- Так...

Адилъ сызмала невзлюбил Азера, то и дело ругал, да так затюкал мальчика, что в присутствии отца он вел себя тише воды, ниже травы, боясь пикнуть. Мать переживала, а Адилю хоть бы хны, не проймешь. И вот, мальчик охладел к отцу, вся отрада и утешение - мать. Сарвиназ души не чаяла в первенце, ранимом, чувствительном, ласковом сынишке...

- Мама, - говорил он, - вот вырасту - останусь при тебе. Габиба женишь - пусть переберется в другой дом, а моя невеста будет у тебя в услужении.

- Э, сынок, дожить бы до того дня! Сама буду вам служить!

- Нет уж, ты свое отработала, намучилась. Вырасту - не пушу, чтобы ты палец об палец ударила.

Она отвечала улыбкой, пряча слезы.

Появление Рахмана в доме радовало и Азера. Мальчику нравилось, что с ним обращаются на равных, не как с маленьким, а как со взрослым мужчиной. Причем Рахман это делал совершенно естественным образом, интересовался его делами, при случае ненавязчиво подсказывал, давал советы, учил уму-разуму. Как и все дети, Азер нуждался в мужском надзоре и участии, и общение с неожиданным наставником восполняло эту пустоту в мальчишеской жизни. Поэтому он не придавал значения нехорошим пересудам, доходившим до него в школе или на улице. Вернее, он не мог допустить и мысли, что вся эта дурная молва может иметь какое-то отношение к его обожаемому кумиру. Тем более, что мать ему рассказала столько хорошего об удивительной и нескладной судьбе этого странного человека. Молва задевала и его мать, но как он мог поверить рассказам злых языков, когда мать днем и ночью заботилась о них и была на виду. Конечно, душа его восставала против этих сплетней, и он переживал за людскую коварность.

- Не спишь?

- Нет.

- Я тебе хорошую новость принесла...

Азер приподнялся в постели.

- Рахман халу говорит, что в Баку конкурс проводится. Хочет, чтобы и ты принял участие...

- Думаешь, я смогу потягаться?

- Сможешь.

- Тогда... придется мне все свои изделия заново перелопатить... А какие там условия?

- Завтра Рахман халу тебе растолкует.

Наутро, увидев Азера, сидящего во дворе под тутовым деревом, Рахман удивился: тот возился с куском дерева, обретавшим очертания хищного зверя. Тигра, разумеется.

- Что это ты встал ни свет ни заря?

- Не спится. Решил поработать.

- Мать тебе ничего не говорила?

- Сказала про конкурс.

- Ну, тогда ладно. Ответственность, выходит, осознаешь...

К тому же с утра голова ясная, дело спорится. Теперь держись: состязание не из легких.

С того дня Азер все время возился под тутовым деревом - "творческая мастерская" своего рода. Таскал из лесу, с округи причудливые коряги, придавал им очертания зверья, обнажал подсказки природы. Порой и о еде забывал, головы не поднимет, пока мать не отнимет у него подручный инструмент. Зрители и "критики" - сестренка, братишка, а там и окрестная ребятня приходили поглазеть на безусого мастера. Азеру было приятно внимание, потому он работал еще усерднее.

Как-то говорит матери:

- Самое главное, чтобы Рахман халу одобрил. А там мне никакое жюри не страшно.

Вечером того дня, Рахман, потирая руки, в шутку предложил:

- Ну, давай-ка первый тур конкурса проведем.

И начал осматривать поделки попутно исправляя неточности - "недотянутые" детали.

Закончив осмотр он пожал руку автору:

- Первый тур ты прошел.

Вдвоем они уложили отобранное в коробку и через пару дней отправились в Баку.

Мать благословила сына и по обычаю плеснула воды вслед уходящим.

* * *

Неделя прошла - ни слуху, ни духу. Сарвиназ заволновалась: "Не стряслось ли чего-нибудь?"

В этот день все у нее из рук валилось, места себе не находила. Только она вышла во двор и взялась за метлу, как вбежал соседский мальчик:

- Включи телевизор, Сарвиназ хала! Азера показывают! Когда Сарвиназ прибежала, дети уже сидели у экрана.

- Это, наверное, твоя первая победа в жизни? - спрашивает телерепортерша у Азера.

- Да...

- О чем ты мечтал, направляясь на конкурс?

- Ну, прежде всего... увидеть Баку... Познакомиться с художниками, занимающимися народным творчеством. Посмотреть, как они работают...

- И показать свои работы?

- Да...

- Наверно, ты нашел себе много друзей?

- Да, буду переписываться с ними.

- А кто тебя учил резьбе по дереву? Есть, наверно, наставник?

- Это Рахман халу, лесничий. У нас в районе его все знают. Он не только хороший лесничий. Он и народной медициной занимается, людей лечит. А о том, что мастер резьбы по дереву, художник - мало кто знает. Руки у него золотые. Но себя показывать не любит.

- Дорогие телезрители! - Репортерша повернулась к камере. - Поздравим ученика седьмого класса Азера Кулиева с первой победой на республиканском конкурсе народного творчества и пожелаем ему новых успехов...

Передача окончилась, а Сарвиназ не сводила взгляда с экрана. Дети шумно и радостно обсуждали успех брата.

Сарвиназ, погрязшая в домашних заботах, бытовых неурядицах, несшая в опустошенном сердце горечь пережитой совместной жизни с привередливым мужем, впервые почувствовала, что в жизни есть куда более важные, значимые дела, придающие смысл ее существованию. И это ей помог ощутить собственный сын.

Азер с Рахманом вернулись полные впечатлений. Досыта наговорившись Сарвиназ спросила:

- А отца навестили?

- Да.

- Ну и как он - обрадовался?

- Не знаю, - пожал плечами Азер.

- Как же, - вмешался Рахман. - Конечно, обрадовался!

Азер промолчал. Позже Сарвиназ поговорила с ним с глазу на глаз.

- Как отец, расскажи толком. Исхудал, наверно?

- Да нет. Вроде даже поправился.

- Меня спрашивал?

- Да.

- А твоей награде порадовался?

- Не почувствовал.

- Почему ты так решил?

- Потому что он на диплом мой даже не глянул. Буркнул: только художника нам и не хватало...

Сарвиназ больше не допытывалась.

Ответы сына расстроили ее. Это было неслыханно - так холодно встретить сына после долгой разлуки. Да он и прежде не отличался особой лаской к детям. Как-то Сарвиназ его упрекнула в этом, а он: "Нечего цацкаться с ними... А то носы задерут... Пусть знают свое место. Нас так воспитывали..."

Его раздражало, когда она ласкала детей, няньчилась с ними. Она убеждала, что от любви и доброты вреда не будет,

напротив, так можно возродить и самые черствые, глухие души. Адиль ехидно усмехался.

Не помнила она добрых, светлых минут с ним. А чувства, которые она питала к Рахману были иного рода, смешанные, противоречивые - они окрыляли ее, и тревожили, будили жажду жизни и угнетали... Это был костер из сырых дров - он не греет, дымит, но все же радует надеждой на тепло, или соломинка для утопающего, хрупкая надежда на спасение... Но она понимала, что эта призрачная надежда истает с возвращением Адилья, и возобновится старое постылое существование, ожидание горечи и безрадостного будущего жило в душе, как туманы на седой вершине Шах-дага...

- Мама, тетя Маиса пришла! - сообщила дочурка.

Сарвиназ вышла встретить ее.

- Добрый вечер.

- Входи.

Та нехотя прошла, присела на диван, огляделась, заметила вставленные стекла на веранде:

- Рука Рахмана чувствуется сразу.

- Да. Спасибо ему, - Сарвиназ сделала вид, что не заметила иронии. - В непогоду мерзли, мокли. А теперь - порядок.

- Ого! Кажется, и рамы двойные.

- Да. Я и телевизор сюда поставила, видишь. Вроде гостиная получилась.

- Руки у него золотые...

Опять насмешка в тоне.

- Золотые, - подтвердила хозяйка.

Она чувствовала: Маиса явилась неспроста.

- Ну и где же твой хахаль? - выпалила Маиса неожиданно и грубо, посерев лицом.

Сарвиназ пробрала дрожь. Она села за стол, стараясь взять себя в руки.

- С тобой говорят!

- Подбирай выражения.

- Ты меня не учи. Где он?

- Откуда мне знать? - Сарвиназ пыталась сохранить спокойствие.
- А разве он перед тобой не отчитывается?
- С какой стати?
- А с той самой. Бросил семью ради тебя. Значит, перед тобой ему и быть в ответе.
- Не вали с больной головы на здоровую. Сама выжила. Женщина с умом так бы не поступила...
- Выходит, я должна была смотреть сквозь пальцы на ваши шашни?
- Не говори того, чего не знаешь. Не мерь на свой аршин...
- Как? Как это "на свой аршин"? Думаешь, все способны на твои фортеля? Ошибаешься! Мы не того поля ягоды.
- Говори зачем пришла! - Сарвиназ посуровела.
- Верни мне мужа.
- Ладно. Вернула. Забирай!
- Издеваешься?
- Хорошо, что насмешку понимаешь. Это же курам на смех. Что твой муж - багаж, посылка, чтобы взять и вернуть? Уж если дорожила - не отпускала бы на все четыре стороны.
- Это я-то? Это ты, ведьма, его охмурила, заманила! Околдовала! Все думают, Рахман - колдун. Но я-то знаю - ты заварила эту кашу.
- Не я, а твое жало змеиное! Довела! Такого хозяина, работника выжила! Случись с ним беда - ты и не охнешь, такая у тебя душа.
- Ах, ах, уж если у него такая заступница, ему и горе не беда.
- Иной бы на его месте давно плюнул бы на все, завел бы новую семью. К тому же, такой мужчина, не запылится.
- Зачем же ему искать? Нашел уже.
- Перестань! Ты ведь и меня, и его хорошо знаешь. Знаешь, что ни он, ни я на такую стыдобу не пойдем. У меня сын уже взрослый... Как я могу помышлять о таком?
- От тебя всего можно ожидать.

Сарвиназ задыхнулась обидой:

- Было бы за что - не было бы так обидно. Моя единственная вина в том, что позволила ему переступить мой порог, приютила. Пусть я ослепну, если между нами что-нибудь произошло! Почему ты не веришь мне? Знаю, скажешь: коль добрым именем дорожу, зачем же пускаю к себе чужого мужчину. Да какой же он чужой! Если хочешь знать, не одна пара мужских глаз на меня пялится... Хотя бы этот мой сосед окаянный Мамед...

- Цену, что ли, себе набиваешь? Свет на тебе клином сошелся что ли, других баб в районе нет?

- Есть... Но при всех мужья... Когда Адиль был со мной, кто бы посмел хоть краешком глаза глянуть в мою сторону? Хочешь верь, хочешь нет, но я сказала то, что есть.

- Не стыдно тебе? За дуру меня считаешь? Рахман издавна по тебе сохнет. А тебя, слава Богу, знаем, какого поля ягода. Сладкими речами кого хочешь с пути собьешь... Ладно, что было, то было. Но хоть сейчас - верни его. Не могу утешить Джалила - при живом отце как сирота. Его-то вина в чем?

- У себя спроси! Он всегда дорожил тобой, радел о сыне. Узнай он, что хочешь примирения, вернется.

- Нет, я ему впредь ни слова не скажу. Хочу, чтобы ты дала ему от ворот поворот. Как заманила, так и выпроводи. Знаю, у тебя сил на это хватит. Он только тебя и послушается.

- Что ж мне, прогнать его? Этого я не смогу. Я не такая жестокая, как ты думаешь.

- Прогонишь! Не то ославлю на весь район.

- Дело твое!

- Ну, погоди, что я тебе устрою!

Видя, что угрозы не действуют, Маиса стала осыпать ее проклятиями. Сарвиназ закрыла уши, это еще больше взъярило "обвинительницу".

- Чтобы ты оглохла...

Вдруг из спальни вышел Азер, весь побелевший.

- Уходи отсюда! - кричал он срывающимся голосом. - Уходи!

Азер выпалил эти слова с такой яростью и решимостью, что Маиса молча встала и стушевалась.

Азер подошел и крепко прижался к Сарвиназ.

- Милый мой..., заступник ты мой...

* * *

...Наутро Рахман направился в верхнюю часть леса, более отдаленную от села и потому менее подверженную посягательствам "лесогубов". Он, в общем, не очень тревожился за эту зону, но раз-другой в месяц навевывался. Его пленяла девственная, первозданная красота этой глухой лесной стороны. И трава здесь сочнее, гуще. Пройти сквозь заросли здешние непросто, проворство требуется.

Раздвигая ветви граба, акации, ольхи, тиса, ясеня, он пробирался вперед вот уже часа два по еле различимой глухой лесной тропе. Влажная замшелая земля дышала прелостью, ни пяди без ростка, без травы.

Лучи солнца, пробивавшиеся сквозь густую крону, били в глаза. "Ну вот и прибыли..." - облегченно вздохнул он. Перед ним заискрилась, засветилась удивительной красоты поляна, где полыхали огоньки нарцисса, ландыша, ириса, медуницы, чей медовый аромат висел в воздухе: белое, алое, золотое, розовое свечение... несметное количество и разнообразие цветов. Он мысленно называл их "по имени-отчеству" - василек, алтей розовый, горошек душистый, кувшинка, настурция, колокольчик... Насчитал с полсотни, остальные запамятовал... Здесь, казалось, сосредоточилось все щедрое цветущее многообразие земли. "Вот бы Сарвиназ увидела...", - подумал он и вслед всколыхнулось другое, невозможное чаянье: "Побыть бы нам вдвоем здесь... хоть единожды в жизни..."

Голова закружилась от этой сумасшедшей, пьянящей блажи. И в чарах этих хмельных грез он дошел до подножия горы. Тонкий дух холодянки витал в воздухе. "Значит поблизости родничок". И только сейчас почувствовал жажду.

До него донеслось журчание. Речка. Вода - слеза. Несомненно, родниковая. Пошел вверх по течению и дошагал до родника. Зачерпнул полные горсти воды, всласть напился, затем умылся и прилег поодаль на траве, уставившись в небо. Солнце слепило глаза.

Вдруг он услышал треск. Сперва он не придал этому значения. Потом шарахнуло громче, раскатистее. Тут Рахман приподнялся, глянул метрах в ста двое горных туров, скрестив рога, "выясняют отношения". Зрелище захватывающее. Серые, с темнеющей на спине шерстью, гордые красавцы яростно сверлят друг-друга взглядом, встают на дыбы, издавая трубный клич и бьются.

Он затаился в высокой траве, чтобы не вспугнуть диких дуэлянтов. Знал, какой это осторожный зверь - тур.

Погодя, схватка завершилась. Бойцы опустили рога и, постояв в неподвижности, разошлись в разные стороны. А тут, откуда ни возьмись, турье стадо, самки. Один из недавних драчунов задержал шаг, повел глазом. На него, как говорится, ноль внимания. Вот уже последняя самка мимо шествует. Тур подошел к ней мелкими шажками. Наклонив голову, коснулся рогами ее рогов. Но, похоже, этот флирт пришелся турихе не по душе. Ухажер не отставал, пытаясь привлечь внимание и снискать расположение. Самка вдруг разволновалась и огрела приставалу ощутимыми тычками рогов. Тур безропотно снес обиду. Тут перед ним оказалась другая красуля. Тур - к ней. В отличие от недавней недотроги, эта оказалась покладистее и вроде, получала удовольствие от приставаний. Они взирали друг на друга с явной симпатией. Вдруг оба на дыбы и давай елозить, брыкаться...

Из-за скалы тем временем вышла еще пара четвероногих удальцов. Рахман следил: как-же эти себя поведут? Но те постояли, поглядели на "милующихся" и пошли своей дорогой.

Самец и самка ласкались, их витые, спиралеобразные ро-

га сплетались, но уже без треска и шума.

Рахман ахнул: уже и целуются! Сцена этой любви отозвалась в сердце грустью, и он даже смутился, что исподтишка подглядывает за этой сокровенной близостью.

Туры ушли. Рахман принялся собирать в торбу целебную природную благодать. Насобирал чабреца, подорожника, холодянку не забыл, головчатку, веронику тоже отправил в суму.

Через пару часов двинулся назад, в чащу. Дошел до малинника. Подкрепился нежными, сладкими ягодами. Малины - завались.

За пять минут можно ведро насобирать. "Вот бы Сарвиназ с детьми сюда..."

Поймал себя на этой мысли и осознал, что где бы он ни был, о чем бы ни думал, невольно в ход его рассуждений нет-нет да и вторгнется Сарвиназ, и он как бы проверял свое поведение, свои поступки ее мнением: "Понравится ли это ей? Одобрит ли она? Что она на это скажет?" Она проникала в его существо, духовную суть, одухотворяла его жизнь особым главенствующим смыслом. Голос ее был все время на слуху, образ ее всплывал перед глазами, и тщетны были бы все усилия высвободиться, отрешиться от этого неотступного, незримого ее присутствия, этой магической власти, управляющей его волей. И, казалось, кроме этого столь же близкого, сколь и далекого существа не существовало никого на свете.

До райцентра Рахман добрался уже в сумерки. В квартале, где жила Сарвиназ, на углу о чем-то вели разговор соседки. Когда он проходил мимо, одна кумушка что-то шепнула другой и все разом примолкли. Он шел, чувствуя на спине колючие, цепкие и укоризненные взгляды: в последнее время он часто ловил на себе такие взгляды, случалось, слышал и шпильки, и ехидные реплики, отвечать на них было бессмысленно, но ядовитые слова ранили душу, занозой застревали в сердце; вот и теперь, почувствовав недоброе

бабье внимание и шушуканье, он сжался, помрачнел и выдавив из себя неизбежное и подобающее приветствие, продолжал путь. Одна из кумушек что-то сказала, остальные приснули со смеху, и Рахмана прошиб холодный пот.

Дойдя до ворот, он толкнул меньшую створку двери и прошел во двор. Подниматься на веранду не стал, присел на стуле под шелковицей и уставился в одну точку, в ушах звучал хохот кумушек, и перед глазами стояли укоризненные, осуждающие взгляды.

Он чувствовал угнетенность, униженность, и только сейчас, кажется, стал осознавать, какая это страшная разрушительная сила - людская молва, злые языки... Эта медленная пытка лишала его привычной решимости, парализовывала волю.

Обхватив голову он думал свою невеселую думу. Сколько пробыл в таком состоянии, не помнил. Свет в комнате, где спали дети, погас. Дверь веранды открылась. Сарвиназ спустилась, подошла к воротам, задвинула засов и только сейчас, заметив неподвижную тень под тутовым деревом, вздрогнула, но обрадовалась узнав его.

- Добрый вечер.

- Вечер добрый.

По тону его поняла: расстроен. Ее мгновенная радость улетучилась.

Насупленные брови, печальные глаза Рахмана заронили тревогу в ее сердце. Она присела рядом на табуретку, не решаясь заговорить, допытываться.

- Как ты? - тяжело выдохнул он.

- Ничего.

- Дети спят?

- Да.

Помолчали.

"Что стряслось?" - мучилась она в догадках. Рахман неподвижно смотрел перед собой.

- Что с тобой?

- Ничего.

- А все-таки...

- Голова побаливает...

- Нет, ты выложи, что на душе. Полегчает.

Сарвиназ устремила на него взор, полный мольбы.

- О чем говорить, какую задачу поведать? Много всего.

Столько отчаянья было в его голосе, что она не выдержала, встала, провела ладонью по его волосам. Он вздрогнул от неожиданной ласки и вскинул на нее изумленный взгляд:

- Скорее бы Адиль вернулся...

- Да уж... не томись... он большую часть срока отсидел.

Голос ее дрогнул, осекся.

Рахман безо всякой связи спросил:

- Сирень, кажется, расцвела?

И вдохнул воздух.

- Да, уже второй день.

Он встал, направился на верхи подворья и вернулся с душистой веткой.

- Принеси-ка мне косынку.

Принесла. Он приложил метелочку цветов с листьями ко лбу и повязал косынкой.

- Помогает, - объяснил он, перехватив ее взгляд.

- Пошли, я тебе чаю дам с гвоздикой, это лучше - решительно сказала она, и он послушался.

Почаевничали, беседа вполголоса о том, о сем.

- Маиса приходила..., - решила она, наконец рассказать о происшедшем.

- Чего ради?

- Хочет, чтобы ты вернулся.

- Так и сказала?

- Да.

- А ты?..

- Что я? Верно говорит.

- Верно? - Рахман удивился. - Значит, все по ее хотенью - захотела - скатертью дорожка, захотела - милости просим, да?

- Все бывает в семье... Не век же в ссоре оставаться... -
Она произнесла эти слова с неожиданным хладнокровием.

- Ты действительно считаешь, что я могу вернуться?

- А почему бы и нет? Ведь сын у тебя, отцовский долг на тебе...

- Ты ведь знаешь - назад мне дорога заказана. Пока есть силы, чем могу - буду им помогать. Но о Маисе больше ни слова. Ты-то хорошо знаешь: не люблю я ее.

Сарвиназ, не раздумывая, выпалила:

- В твои-то годы о любви рассуждать...

Сказала и пожалела. Но слово - не воробей... Рахман уставился на нее недоуменно, потрясенно. Впервые она так бесцеремонно напомнила ему о возрасте. Глядя на его побелевшее - даже в сумерках это чувствовалось - лицо, она осознала свою оплошность, но было уже поздно. Она-то ведь знала, как вспыльчив и самолюбив Рахман, всегда стремилась в разговорах быть осторожной и деликатной, но сейчас обычное чувство такта изменило ей.

У нее сердце сжалось в предчувствии, которое охватывает обреченного человека. Ее испугала мысль: обидится - уйдет. Но какой-то внутренний гордый инстинкт побуждал ее скрыть смятение, не ронять себя заискивающим раскаяньем.

"Уйдет... Навсегда..." Страх сжимал сердце.

После долгого молчания он тихо попросил:

- Постели мне...

Она вняла просьбе, ушла к детям, легла, но до рассвета не смогла сомкнуть глаз. Вздремнула под утро. Когда встала - его уже не было. Припав головой к подушке, еще хранившей его тепло, она задохнулась беззвучным плачем.

* * *

...Увидев у своего дома "скорую помощь", Рахман встревожился. У постели бледного Джалила молодой врач и пожилая медсестра о чем-то спрашивали у Маисы.

- Неделю ничего не ест.

- Что сказал участковый врач?

- Прописал витамины.

- Надо его положить в больницу. Обследуем всесторонне.

Рахман поздоровался, нагнул у изголовья сына и поцеловал. Потом повернулся к медикам:

- Спасибо за ваши советы. Но пусть сын остается дома.

- Не упрямитесь. Ведь есть же диагноз.

- Есть-то есть, но, может, у него дело осложнено другой напастью.

- Ничего другого нет.

- Послушайте, это же в ваших интересах. Мы в ответе за жизнь мальчика. - Врач повернулся к Маисе: - Баха, что же вы молчите? Вы же мать.

- А он - отец, - отозвалась тихо Маиса.

- Тогда как знаете. Вам и держать ответ.

Врач, а следом и медсестра ушли.

Джалил, молча слушавший беседу взрослых, приподнялся в постели, явно радуясь тому, что избавился от больничного плена.

- Сам буду лечить мальчика! - решительно заявил отец. Маиса, похоже, приободрилась от его слов.

Рахман, ни слова не говоря, вышел и появился под вечер с козой, чье бляенье побудило озадаченную Маису выглянуть с веранды. Рахман привязал козу к грушевому дереву:

- Иди, подои.

Маиса хлопает глазами.

- Козье молоко нужно.

Маиса, скользнув взглядом по изможденному, обескровленному лицу мужа, вздохнула, прихватила на кухне кастрюльку и вскоре появилась:

- Через силу полтора стакана выдоила.

- Ничего. Если еще столько же выжмешь - будет неплохо.

Вскипяти и дай ему выпить.

- А других никаких средств не надо?

- Нет. Только козье молоко.

В ворота постучали колотушкой. Пожаловал сам главврач детской поликлиники в сопровождении молодого врача "скорой помощи".

Главврач - его звали Забит - поздоровался с Рахманом, присел у кровати Джалила, прослушал, осмотрел. Затем вызвал Рахмана на веранду.

- Извини, Рахман, но я вынужден по долгу службы сказать тебе: ты нашему брату палки в колеса ставишь, работать не даешь.

- Не пойму, о чем ты?

- А что тут понимать? Со здоровьем людей нельзя шутики шутить. Самолечение до добра не доведет. Если что стряется, кому держать ответ?

- Пока что ничего не случилось.

- Да, но может случиться. Я тоже верю в народную медицину, знаю ее возможности, но все же наука остается наукой. У нас так - семь раз отмерь, один раз отрежь.

- Думаешь, я с бухты-барухты лечу, наугад пользую? Ошибаешься. Если хочешь знать, ко мне ходят те, кого ваши дипломированные специалисты лечили не так, как полагается.

- Ага... мы дали маху, а ты исцелил?

- Увы, бывало и такое... Вот привели ко мне сынишку Алимурад муаллима, Курбана. Годами маялся в больницах, да ты, наверное, в курсе, врачевали нарыв на руке, но тщетно. Искололи беднягу, мазями измазали, а проку нет. Я ему наложил на язву целебных трав - рассосало.

- Ну, случай выпал... Лучше бы тебе не братья за такую самостоятельность. Твое дело - лес. Вот и пекись о нем. А врачам не мешай.

- Да я и не рвусь перебежать вам дорогу. Помогаю, кто сам приходит, на меня уповаet. И то - если знаю, как помочь. Народное врачевание - кладезь. Я-то знаю только крохи, азы. И пользую осмотрительно, если проверено. Есть хвори, которые травами скорее и легче излечиваются. И уж если могу - почему бы не помочь людям?

- Короче, мое дело предупредить. Если, не приведи Бог, больного загубишь, придется перед законом отвечать.

- Спасибо за напоминание о законе.

- Давай ближе к делу. Почему сынишку в больницу не отпускаешь? Не видишь, в каком состоянии?

- Да что я, зла, что ли, ему желаю? Я-то лучше вашего знаю, какая у него хвороба. И средство знаю.

- Ну, и какое?

- Козье молоко.

- Как у тебя все просто! Инъекции нужны, друг, таблетки.

- Так ведь козье молоко содержит витамины. Минеральные соли опять же. Я тут Америку не открываю. Во всем мире им пользуются. Вот, скажем, в Швейцарии есть лечебница - там лечат пациентов только лишь козьим молоком да горным воздухом...

- С тобой трудно спорить...

- Вот что. За заботу о сыне - спасибо. Но и я пекусь о нем же. Хочешь научную основу, пожалуйста: о козьем молоке и Авиценна пишет, и Мохаммед Юсиф Ширвани, и не только они признают его целительность. И мы не вправе не верить им. Козы, между прочим, стойки против болезней. Единственные из животных, не подверженные туберкулезу. Есть сведения о том, что во время эпидемии чумы только козы из живой твари выживали.

- Все это любопытно... Дело твое. И отвечать тоже тебе. Но если у тебя с лечением не получится, вези мальчика к нам.

- Ладно.

Неделю мальчика держали на одном козьем молоке. А после прибавили в рацион меду, сливок, печень и прочие питательные продукты. Джалил окреп, воспрянул.

Рахман каждый вечер - дома. Войдет - сразу: как, что и бежит к сыну.

- Главврач приходил, - однажды сообщила жена. - Посмотрел сына, удивился. "Чудеса", говорит.

- Да уж, действительно, чудо. Козье молоко - это тебе не шутка. Ребенку хотя бы раз на дню надо молочка такого

давать. Пока не окрепнет. Мальчик слаб от рождения.

- Что ж, выходит, козой надо нам обзавестись?

- Выходит, так.

- Кто за ней присматривать будет? Кормить, пасти?

- Да какой там уход! Козе нянька не нужна. Охалку травы и все дела. А зимой - сена. Может и объедками обходиться.

Подозвал сына, уже бегавшего во дворе, поговорил и за-собирался уходить.

- Может, перекусишь?

- Спасибо, нет.

- Будь и голодный - отказался бы, - обиделась Маиса.

Он, не ответив, ушел. В их отношениях потепления не произошло, хотя Маиса и проявляла инициативу. Говорили только о сыне и заботах, связанных с ним. Маиса, конечно, была ему благодарна: поставил сына на ноги, выходил.

Но то, что он по-прежнему держался отчужденно, задевало ее за живое. И в ее душе просыпалась злоба на Сарвиназ, "отбившей" у нее мужа. Но в последнее время к этой ревнивой неприязни примешивалось и другое чувство, это было ощущение пропасти, разделявшей их, прозрение той горькой истины, что человек, проживший с ней столько лет, странный, чудной человек, жил другим, недоступным, непостижимым миром, человек, вольно или невольно причинивший ей душевные терзания, давший повод кривотолкам, ронявшим ее в глазах окружающих, - и тем не менее, она не могла ненавидеть этого человека, держать на него зло, вычеркнуть из жизни, из памяти. Нет, она любила его, по-своему, но любила, его, которого иные сторонились, остерегались, которому перебивали косточки.

С таким тяжелым, горьким чувством она вернулась в комнату.

***

Было душно. Рахман сидел, прислонившись спиной к стволу тополя. В глазах рябило от снопа лучей, пробивавшихся сквозь листву. Кругом роилась, копошилась всевозможная летучая, ползучая лесная мелюзга, муравьи

занимались своим неутомимым трудом, пауки ползали по своим воздушным владениям, поодаль лениво ползал черный жучок, а тут на них откуда ни возьмись спикировала лесная птица, но жучок мгновенно принял "боевую позу", то есть, вздыбившись, выпустил струю в пернатого агрессора, - птица вспорхнула, должно быть, от неприятного ощущения и улетела прочь. Жучок продолжал путь с видом победителя.

Как-то Рахман видел, как такой же жучок дал отпор дрозду - сработала "защитная система", дрозд чуть ли не взвыл и ретировался. Он поднял храброго жучка, подержал на ладони, - капелька выпущенной только что жидкости блестела на панцире. Коснулся пальцем ее - теплая, "может, и горячая, когда плюется"... Откуда же в этой крохе источник подогрева, и какая здесь химия? Одна из бесчисленных загадок природы. Каждая тварь по-своему защищается от врага, у черепахи - панцирь, у ежа - иглы, у змеи - яд, зайца спасают ноги, хамелеон - цвет меняет сообразно среде...

Бабочка вспорхнула на траву-метелку, крылышки нарядные, а посреди огромные пятна - как глазницы. "Хитрунья! Тоже ведь - пугает..."

Немного отдохнув он встал и пошел дальше. Дойдя до сторожки, он ахнул: Под "грибком" устроились Азер и Габиб.

- Ого, какие гости пожаловали!

Рахман обнял, расцеловал обоих, расспросил, каким, мол, ветром, занесло.

Шесть месяцев с Сарвиназ не виделись, а тут, видимо, гонцов прислала, усмехнулся он себе в усы.

- Что к нам не заглядываете? - заговорил Габиб. - Мы же беспокоимся.

- Дела...

- Мать вам афарар* прислала. - Азер выложил из портфеля на стол угощение, завернутое в скатерку.

- А... начинка с травой - звездчаткой?

- Ну да!

- Как же вы меня нашли.., не заблудились?

- Да мы же не в первый раз.

Рахман раскрыл скатерку, и они принялись втроем есть афарар. Азер полез в сумку и извлек оттуда банку:

- А это довга.

- Ого! Это ж пир на весь мир! - повеселел Рахман, принес стаканы, разлил довгу.

Азер вспомнил:

- Мать поручила нам насобирать здесь борщевик.

- Я знаю одну поляну, там ее навалом.

Поев, они направились туда, - действительно, такие борщевики вымахали, в рост человеческий, бери - не хочу. Ребята принялись сдирать с толстых стеблей кожуру и запихивать в рот сочную мякоть. Потом набили мешочки срезанными побегами.

- Считайте, месячную норму витаминов приняли, - сказал Рахман, провожая юных друзей.

Вернувшись в сторожку, он переоделся в рабочую одежду и взялся обтесывать деревянный брус, подобранный в глухой чаще. Молодое было дерево, прямехонькое, статное. Он вырезал нужную часть, но потом как-то разохотился, забыл, оставив заготовку. Сейчас, очертив женский профиль на поверхности, он стал "доводить" его до ума. Увлёкся так, что забыл о времени. Наконец, добившись желаемых пропорций, он взялся за нож, чтобы осуществить замысел.

* * *

...Сарвиназ, спавшая всегда чутким сном, просыпавшаяся на любой шорох и шелест, в полночь поднялась с постели, огляделась по сторонам: ей почудилось, что кто-то ходит по саду, под окном. Затаив дыхание, она напрягла слух. Похоже, померещилось. Снова легла, стараясь ни о чем не думать. Но не могла унять расходившееся сердце.

Много таких тревожных ночей пришлось пережить ей после ухода Адила. Темнота всегда наводила на нее смутный страх, странные ночные звуки будили в душе тоску, внушали чувство неуверенности. Напряжение не рассеивалось. Она знала, что уже не уснуть и стала с нетерпением ждать нас-

тупления утра. В темноте с трудом различила стрелки ходиков на смутно белевшем циферблате: половина второго. "Как долго ждать!"

Вдруг донесся хруст. Похоже, кто-то обломил ветку ябло-ни. Это было очевидно. Она не могла ошибиться. Неужели к ним забрался вор? Она вскочила, не включая свет, дрожащи-ми руками нашарила платье и надела, в прихожей прихвати-ла запятанный топорик, отворила дверь и спустилась вниз. Обошла дом, зажал ей рот ладонью, другой рукой вырвал у нее топорик и отшвырнул в траву, и потом стиснул ее в объ-ятия. Она хотела было вскричать, но мгновенная мысль о детях заставила ее подавить крик: к тому же грубая, мужс-кая пятерня все еще зажимала ей рот. Она все-же изловчи-лась укусить палец неведомого врага. Мужчина заохал и ослабил руки; она в миг вырвалась, обернулась и застыла: пе-ред ней стоял Салим, прокурор. Сарвиназ задыхаясь от ярости и отчаянья пригрозила:

- Бесстыжий! Убирайся! Не то сейчас криком народ подниму!

- Закричишь - тебе же и срам! Как завтра детям в глаза посмотришь?

Глаза Салима по-кошачьи горели в темноте.

- На ночную охоту вышел?

Мужчина упал перед ней на колени.

- Сарвиназ!.. Ты лишила меня покоя... Никогда... никого я так не любил... Что ни скажешь - готов исполнить твое жела-ние... Только не отвергай.., не гони... Озолочу... Осыплю бла-гами.., горя не будешь знать... Готов жениться на тебе. Толь-ко не лишай меня надежды... Заклинаю... умоляю...

Салим ткнулся ей в подол, спрятал лицо в складках платья. Она растерялась, отшатнулась, взяла себя в руки:

- Какой же ты толстокожий! "Озолочу!" Думаешь, все про-дается и покупается? С людей всеми неправдами шкуру де-решь, потрошишь - и в этом видишь смысл жизни!.. Не на ту нарвался! Прочь... - Она пыталась высвободиться, разжать прокурорские лапы, обхватившие ее ноги.

- Почему ты не веришь в мои чувства? Как тебе доказать? Как рассеять твои сомнения? - плаксиво тянул "обожатель". Нет, слезы вроде взаправдошные. Она ахнула. Ну, не странно ли, - человек, наводивший страх на многих, внушавший почтительный трепет, раскис перед ней, упал на колени! Да, он внушал уважение и страх, этот ухоженный, холеный, голубоглазый блюстителъ закона, но только не ей, и его слезные излияния нисколько не трогали ее, напротив, будили гадкое, враждебное чувство. Уж если он так вероломно забирается в чужой двор, одержимый грязными помыслами, - от него любой пакости жди.

Она отцепила крепкие пальцы и рванулась, но Салим, прервав кроткие излияния, вскочил, заграбастал ее, приблизил лицо, она закрыла лицо, задыхаясь.

- Пусти-и-и...

Он алчно тянулся к ее губам; она билась в отчаянии и ярости, чувствуя натиск грубой силы. И вдруг, убрав руки с лица, плюнула во взопревшую физиономию.

Салим оторопел. Взгляд его, до сих пор являвший отчаянную, кроткую преданную страсть, полыхнул недобрый огнем, как у разъяренного тигра, готового разорвать добычу. Сарвиназ попятилась, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Неожиданно нависшая опасность, лишившая ее сил, будто повергла ее существо в невесомость, в безвоздушное пространство. Оказавшись сбитой с ног, сцепившаяся с этим двуногим хищником в неравном противоборстве, она чувствовала, что внутри что-то обламывается, рушится. Мысль о том, что она может стать жертвой дикой похоти этого коварного и поганого человека, ужасала ее и парализовывала волю. "Все кончено... все погибло..." - сверлила ее сознание мысль, она хотела умереть сию же минуту, сей же миг, чтобы не пережить грозящего позора и бесчестия. "Рахман..." - исторгся из сердца полустон-полузов, но это была несбыточная, невозможная мечта, и горевшие перед ней голубые бездушные глаза, выкатившиеся из орбит, будили в ней отвращение, омерзение, ужас... "Боже, помилуй и спаси..."

Вдруг краешком глаза она заметила камень, лежавший в траве; исподволь, украдкой нашарила рукой и, собравшись с силами, обрушила его на голову насильника. Салим обмяк и завалился набок. Это произошло мгновенно. Теперь ее ужаснула мысль: "Убила!" Она похолодела от этого предположения. Лицо его было в крови.

Она быстро вбежала в дом и вернулась с бинтом и йодом. перевязала голову недавнему ненавистному врагу. Кровь проступала сквозь марлю.

Постанывая и пошатываясь, Салим поднялся на ноги.

- Как-ты пойдешь в таком виде?.. - спросила она, показав на изодранную, в темных пятнах крови сорочку. Он не отозвался и поплелся к воротам. Она провожала его взглядом, заливаясь слезами. Гнев, ярость, отвращение, страх, переполнявшие сердце - все исходило плачем.

Небо наливалось с края белизной.

Двери запирать не стала: через час буренку к стаду надо проводить. Да что проку от замков?

Она присела под шелковицей, измученная, опустошенная, убитая. Но в сердце забрезжила уверенность: впредь Салим не придет. Не посмеет.

ГЛАВА V

"Здравствуй, Сарвиназ! Как жизнь? Как дети? Что нового слышно в районе?.. Можешь меня поздравить: срок подходит к концу. Бог даст, числа пятого июля приеду... Считаю дни и часы..."

Сарвиназ не дочитала, буквы поплыли перед глазами. Насколько радовался Адиль скорому освобождению, настолько же ее угнетало ощущение неотвратимо надвигающейся беды - повторения прежней участи. Казалось, Адиль покинул этот очаг не восемь лет тому назад, а вчера, и все произошло и минуло в одночасье - его арест, заключение и напасти, свалившиеся на ее голову.

Она и не предполагала, что весть о скором возвращении мужа так расстроит ее, что человек, ворвавшийся в ее судьбу, ставший неизбежной и нераздельной частью ее существования будет столь нежеланным. Чувствовала себя странником, оказавшимся в бушующем море, в лодке без весел и парусов...

Пока Адиль отсутствовал, она, по крайней мере, была избавлена от унижений и оскорблений с его стороны, и это была, какая-никакая, но свобода. Она была обречена на совместную жизнь до конца дней, с нелюбимым, даже ненавистным человеком, влача безрадостные дни и дойдя до последней черты, за которой небытие.

Долго Сарвиназ пребывала в оцепенелом, отрешенном состоянии, ничего не хотелось делать, все из рук валилось. Вечером, за ужином, она сообщила детям новость об отце. Дети ничем не выказали радости. По сути, иного ждать и не приходилось. Годы разлуки сделали свое разрушительное дело. Пустота, угнездившаяся в ее сердце, обесцветила, обесмыслила все и предвещала столь же бесцветный, бессмыс-

ленный быт. Днем она заставляла себя через силу браться за хлопоты, впрягалась в работу и отвлекалась, но по ночам оказывалась все в том же беспомощном поединке с отчаянием. Мысли бились в замкнутом, безысходном кругу - она в такие минуты ничего не видела и ничего не слышала, и жила в наивном желании оттянуть встречу, продлить оставшиеся десять дней, но время таяло, дни шли неумолимой чередой.

За три дня до возвращения мужа наведалься Рахман. Сарвиназ поздоровалась сдержанно, поставила чай. Рахман, заметив сухость, смутился. От него не ускользнуло то, что она расстроена.

- Что случилось?

- Что еще может случиться! - ответ ее прозвучал с укоризненным оттенком. Рахман, теряясь в догадках, счел за благо все же не допытываться.

Они не решались взглянуть друг другу в глаза, как люди обоюднo виноватые. Скупо перекидывались ничего не значащими словами.

С улицы вернулась Нигяр и, увидев Рахман, обрадовалась.

- А ты знаешь, папа скоро вернется!

Рахман переменился в лице. Сарвиназ заметила его почти ошарашенную реакцию, и поняла, как этот человек ей дорог. Ей даже захотелось утешить его. Казалось, к возвращению мужа она сама приложила руку и это возвращение само по себе было ее виной.

Их взгляды встретились. Никогда она не видела его таким - глядящим сурово - отчужденно, даже безжалостно.

- Когда приезжает?

- В воскресенье.

Больше он ни словом не обмолвился. Посидел чуть, как пригвожденный, затем тихо встал и ушел. Она не пыталась его удержать.

...Ночью она не сомкнула глаз. В предчувствии тревог грядущего дня встала чуть свет, с первыми петухами. Спус-

тилась во двор, повозилась, похлопотала, подогнала животину в общее стадо. Потом испекла хлеб, зарезала кур, общипала, выпотрошила, наполнила водой большую кастрюлю для плова и поставила на огонь; проделывая все эти дела, она время от времени смахивала набежавшую слезу, исторгнутую угнетавшей ее глухой душевной болью, пытаясь отмахнуться от этого неотступного, мучительного бремени. Прослышавшие новость стали навещать, заглядывать, поздравлять, - как водится в сельской местности, в радости или в горе родня, близкие спешат, не дожидаясь приглашений и призывов, помогают, чем могут. Вот и сейчас в хлопотах и сестра Ширинназ, и золовка.

Адила дождалась под вечер. Вошел он во двор одетый с игопочки, как встарь; Сарвиназ изумилась. Казалось, заключение, тюремный быт, годы нисколько не изменили его. Располнел, посвежел даже - как из курорта.

На подворье засуетились, все вышли встречать, приветчать. Сарвиназ же обмерла на месте, не шелохнется. Наконец, придя в себя, она шагнула ему навстречу и подала руку:

- С возвращением!

- Спасибо...

Родня продолжала подъезжать, собираться. Все здоровались, поздравляли, садились за накрытый на веранде стол. Последним явился Рахман. Женщины, прервав разговоры, переглянулись. Сарвиназ нарушила неловкое молчание:

- Поднимайся наверх, Рахман халу. Адиль там. - Она проводила его, проследила, как они будут здороваться и вздохнула с облегчением: те обнялись, поцеловались.

- Мужа увидела - не так засуетилась, - зашушукала какая-то болтушка, но Сарвиназ ясно разобрала ехидную реплику, залилась краской и под каким-то предлогом отлучилась - спустилась в подвал.

Застолье длилось до полуночи. Гости разошлись. Адиль спустился во двор, подошел к жене, мывшей посуду, обнял за плечи.

- Знала бы, как я истосковался по тебе! - От него разило перегаром. Она ненавидела этот запах. И сейчас ей стало противно, но как бы то ни было, а выказывать свое отвращение в такой день - слишком жестоко.

Он коснулся щекой ее волос.

- Пойдем спать.., ты совсем уже из сил выбилась...

- Я тебе постелила... Приду... как управлюсь.

- Ну нет, - Адиль отнял у нее посуду, оставил и повлек за собой...

* * *

Жизнь входила в обычную колею. Визиты, поздравления, угощения закончились. Сарвиназ, как всегда, от зари до зари хлопотала по дому, а выдастся свободное время - бралась за спицы. Адиль хоть и мучился от такого чрезмерного "трудюбия" жены, но крепился, досады не выказывал, пребывал в праздности, не мог устроиться на работу. Походив час-другой по городку, возвращался домой, ложился на диване у телевизора или сидел во дворе в тенечке под деревом.

Сарвиназ тревожило и терзало то, что Адиль не мог найти общий язык с детьми, поладить с ними. Особенно дичилась отца Нигяр. Хотя повзрослевшие дети и слушались папу беспрекословно, но пообщаться, посидеть с ним охоты не проявляли. И мать не знала, кого винить, на кого пенять.

Как-то остались с мужем наедине. Она проворно, даже поспешно действовала спицами.

- Что суетишься так? - начал он. - Передохнула бы.

- Завтра конец месяца, должна сдать работу, иначе зарплату не получу.

Немного помолчали.

- Похоже, ты не рада моему возвращению.

- Зачем ты как говоришь?

- Спроси у себя.

Она продолжала вязать.

- Не отвечаешь. - В тоне Адила сквозили недобрые нотки. Она смутилась и попыталась разрядить напряжение.

- Почему тебе в голову лезут такие мысли?

Она понимала, что ее миролюбивые попытки тщетны: уж если ему взбрело что-то в голову, не переубедишь, хоть кол на голове теши.

- Я думал после долгой разлуки ты переменишь свое отношение ко мне. Перестанешь быть холодной... но ты стала еще бесстрастнее...

- Уж такая уродилась.., - слабо и вымученно улыбнулась она, но, увидев налившиеся злостью глаза, сжалась.

- С Рахманом ты обходилась ласковее, теплее...

Она вздрогнула, как от удара:

- Не надо. Ты не вправе говорить о нем ничего худого.

- Ого! Как о нем речь зашла - ожила! Или я за живое задел?

- Не будь Рахман халу, сюда всякое воронье повадилось бы... Не по-мужски это - грешить на него. Он кормил детей твоих... и меня от хвори излечил. Бог свидетель - безо всякой корысти. Ради вашей дружбы.

- Знаю, ради чего. Писем об этом получал много, - выпалил он зло.

Она отложила недовязанный носок, подошла, давясь слезами:

- Думай обо мне что угодно. Казни, убей, не пикну. Но заклинаю именем Бога, не думай о нем плохо. Не марай его имя. Это было бы великим грехом.

- Ладно, хватит лицемерить! Люди не слепые. - Он ткнул ее в плечо, поднялся и отошел.

В тот день он не обронил больше ни слова.

Через пару дней, увидев в шифоньере рубашку Рахмана Адиль взбесился и швырнул на Сарвиназ вместе с вешалкой.

- Откуда это?

Она подняла рубашку и направилась во двор, где тоже была кухня; заперев дверь изнутри, она поднесла рубашку к губам, вдохнула ее запах и прижала к щеке, получая тайную мстительную радость.

* * *

Шли дни, намеки, обвинения, укоры учащались. Адиль не упускал случая уязвить ее. Она молча сносила обиды, не перечила, не оправдывалась, продолжая заниматься своими делами, и старалась поменьше показываться ему на глаза, чтобы не слышать его брани. Она готова была повторно стирать уже отстиранное - лишь бы избежать тягостного и мучительного допроса и очередной хулы. Со времени приезда мужа она уже в который раз отшпаклевывала пол в подвале. Здесь, в укромном уголке она давала волю слезам.

Адиль оставался прежним, вздорным, злобным, даже еще более жестокосердным, - его большое воображение распяляла ревность. Как бы она ни старалась, что бы ни делала, угодить ему было трудно. Жизнь становилась невыносимой. Единственное, что связывало ее с домом - дети, дума о них, об их участии, будущем. Все она посвятила им, всем пожертвовала ради кровинки своих. Но нет, в заповедных, тайных глубинах души давало знать о себе еще и иное чувство, она боролась с ним. Оно нашептывало ей таинственные слова, подсказывало, что есть на свете божественная красота, сладостная мука - любить и быть любимой. И облик Рахмана, его взгляды, его слова всплывали в памяти, и она уже казнилась, сокрушалась, винила себя в том, что не смогла отстоять, упустила столь близкое, столь возможное счастье...

Как-то Адиль явился домой вместе с Рахманом. Они вошли во двор, толкуя о чем-то. У Сарвиназ сердце захолонуло. В другое время она бы рада Рахману, но тут, - душа заныла, зашлаась предчувствием.

Рахман заметил эту перемену в ней, понял каково ей приходится. Под глазами круги, лицо осунулось.

- Адиль меня силком притащил, - сказал гость.

- Вот и ладно, - попыталась она улыбнуться.

- Я Рахману говорю: без меня - наведывался, о детях справлялся, заботился, что же теперь дорогу позабыл... - В словах Адилья нетрудно было уловить иронию. Но Рахман, не придав этому значения, прошел под тутовник и сел. Адиль

устроился рядом.

- Давай-ка, жена, нам ужин, да посытней.

Сарвиназ захлопотала на кухне. Вскоре она накрыла на стол и хотела уже уйти, как Адиль удержал ее за руку.

- Куда? Перекуси с нами.

Она послушно села, и медленно, нехотя принялась за еду. Но кусок стал в горле поперек...

Мужчины вели разговор праздный, обо всем и ни о чем. Она слушала их в тревожном предчувствии. Странное выражение взгляда Адилья подсказывало, что произойдет нечто очень неприятное.

Рахман даже не прикоснулся к вину. Адиль же уже захмелел.

- Рахман, ты был мне дороже брата родного. Потому заботу о семье я вверил тебе. Ты же оказался ненадежным.

Рахман уронил вилку в тарелку.

- Ты действительно так считаешь? - Голос у него срывался.

- Положим, я и не думаю так, но стар и млад тычут мне этим в глаза. Я не могу людям в глаза смотреть. Писали мне - я не верил. А здесь - не могу не верить. Ну, может соврать один, нагрешить другой, третий, сотня, но не весь же район.

Адиль впился в него пьяным злым взглядом.

У Рахмана сдавило горло.

- Я все перетерпел за эти годы... ради дружбы. Думал, вернешься, спасибо хоть скажешь. Оберегал Сарвиназ от худой молвы, от грязных рук... Из-за этого семья моя, друзья-товарищи отвернулись от меня. Сказать, что все это-только ради тебя - значит, сказать полправды... Другая правда - Сарвиназ, ее честь, ее чистота, ее доброта - ради этого я сносил все наветы, пересуды... Ты никогда не знал ей цену... Будь даже у меня на уме худое, корыстное, - все равно не посмел бы открыться ей... Жаль, что досталась она такому бездушному деспоту, как ты. Будь на твоём месте другой - он бы ее на руках носил - за то, что все эти годы и краешком глаза не взглянула на других, растила - лелеяла детей, во

всем себе отказывая, тянула ляжку, вкалывала...

- Хотел бы тебе поверить... да не волен... не в силах... с собой совладать. Подозрения грызут.., чувствую себя опозоренным.., обманутым... кажется мне, что ты спал в моей постели...

Рахман резко вскочил, свалив стул, сверля бывшего друга горьким, презирающим взглядом.

- Впредь я тебя знать не хочу! Ноги моей здесь не будет!

И, не взглянув на Сарвиназ, ринулся к дверям, а у порога крикнул:

- Когда помру - и на могилу мою не смей ходить!

Адиль осоловело уставился на него.

Потом, пошатываясь, поднялся наверх, на веранду...

Сарвиназ словно очнулась ото сна, - мысль о том, что Рахман ушел навсегда, что никогда не переступит порог их дома была для нее пуще смертной муки. Рахман не бросал слов на ветер.

Навсегда... От осознания смысла этого слова повеяло духом мучительного конца, это был горький, скорбный, прощальный дух...

Не помня себя, она выбежала со двора. На улице ни души, тьма словно поглотила Рахмана... Перейдя улицу она дошла до угла магазина.

Отсюда шла дорога к лесу. Вдалеке, у четы чинар, она различила удаляющуюся тень.

Впотьмах зацепилась за куст держидерева, колено исцарапалось до крови, но она не чувствовала этого.

- Рахман халу-у-у! - вырвался из горла надсадный, хриплый крик, и она не узнала собственного голоса, - дыханье зашло от бега и волнения, но уже и бежать нет сил.

- Рахман-халу-у-у...

Рахман обернулся и, увидев Сарвиназ в десятке шагов от себя, застыл и устремил на нее отчужденный взгляд, она приблизилась - блеснули полные слез глаза, по голени темная струйка ползет...

- Перейму печали твои.., не уходи.., прости его.., нас...

прости великодушно... Настрадался ты из-за нас... Если можешь... Это он сгоряча..., спьяну..., сморозил... Прости...

- Вернись домой! - повелительно-жестко отрезал он. - Ногу расцарапала... Прижги йодом...

И пошел своей дорогой.

Она опустилась на пыльную дорогу и заплакала навзрыд.

* * *

...Что с тобой, баха? - участливо спросила Ширинназ, глядя на изможденное родное лицо.

- Не знаю... Есть не могу... Свет не мил...

- Может, после Рахмана... Адиль тебе опостылел?

- Что ты хочешь этим сказать?

- Ну, это самое... постельные дела... - Ширинназ лукаво хихикнула.

Сарвиназ как кипятком ошпарили.

- Ты думаешь, что я с ним спала?

- А то нет...

Сарвиназ не нашлась что ответить, оглушенная. Выдавила из себя:

- Ты... родная кровь..., сестра..., туда же... Да он меня и пальцем не тронул! Если уж и ты..., то как уверить остальных?

- Надо быть слепой, чтобы не видеть, как Рахман по тебе сохнет! Мужчину с ума свела... Как он переживал, когда ты захворала... Я уж думала: не приведи Бог, не встанешь на ноги - и он не переживет...

- Не веришь, значит...

- Да как я поверю? Ты же никакого места сомнениям не оставила. Столько лет встречала-привечала... обхаживала..., кормила... А теперь - ничего между нами не было... Огонь к вате поднеси - каково будет? Да и он еще мужчина в соку... не чурбан...

Говорить, убеждать было бессмысленно. У сестры была своя безжалостная, несправедливая, но и неопровержимая логика. Никакая божба, никакие клятвы не разубедили бы ее...

Никто никогда ей не поверит, ни муж, ни соседи, ни родня... До конца ее дней будут коситься на нее: "изменница". Как дико..., как это все нелепо... как она до сих пор надеялась, что все образуется... что истина обнажится... "Какая же я дура!" Она презирала себя за наивную веру в справедливость.

...В конце августа, проводив Азера в Баку, в институт поступать, - она затосковала. Тревожная, и в то же время гордая материнская радость - сын вступает на порог новой, считай, самостоятельной жизни, не могла заглушить эту тоску. Азер, старший сын, значил для нее очень много, и хоть она никого из детей не обделяла лаской и заботой, первенец занимал в ее сердце особое место, и отношения их были наполнены и согреты теплом душевного понимания. Азер чувствовал ее настроение, угадывал с полуслова ее желания, и его чуткая отзывчивость чем-то напоминала ей Рахмана: такой сын мог быть у такого отца... И это удивительное сходство натур было маленькой, сокровенной радостью ее бесцветного существования, обремененного будничными заботами и хлопотами.

Впрочем, Габиб с Нигяр помогали ей, как могли. В последнее время, после памятной и горькой пирушки во дворе, когда Адиль в пьяном угаре обидел старого друга безжалостными, нечестными, неблагодарными словами, после того, как Сарвиназ замкнулась в себе и как-то потухла, в Адиле произошла некая перемена, похожая на угрызения совести. Он обращался с ней осторожнее, бережнее; прежде никогда не ходивший на базар, в магазин, теперь он таскал домой сумки, набитые продуктами, но это подчеркнутое, даже несколько заискивающее усердие не могло сократить пропасти, возникшей между ними, и Адиль чувствовал, что эта пропасть неотвратно увеличивается...

Сарвиназ не могла простить ему жестокого откровения, безобразной выходки - обиды, нанесенной Рахману. Перед ее глазами часто всплывало лицо лесничего, потемневшее, суровое, неузнаваемо чужое - там, на ночной до-

роге, ведущей в лес: его уход - навсегда, убил в ней всякую охоту жить, любовь к жизни... "Он презирает меня"... Эта мысль сводила ее с ума.

Шли дни, и разрыв Рахмана с этим домом, его отсутствие, исчезновение будило в ней глухой, безмолвный ропот, она не могла примириться с исчезновением человека, благодаря которому в ее душе затеплился, забрезжил свет осмысленного существования, сладостно-мучительной полноты бытия...

И она ловила себя на мысли, что больше своих невзгод ее занимает и терзает неведомая участь всеми покинутого, забытого лесного отшельника, так щедро наделенного даром сочувствия и сострадания, но лишённого человеческого участия. Будь Рахман у себя дома, у своего очага, она бы так не казнилась.

Два месяца, как он покинул их дом. От него - ни слуху, ни духу. Никто его не видел. Никто даже не вспоминал. Будто не было такого человека на свете.

Как-то Адиль, проснувшись ночью, увидел Сарвиназ в слезах. Он поглядел-поглядел и взорвался:

- Все сохнешь по нему?

Он вскочил и схватив за ночную рубашку, ударил раз, другой, третий, но никак не мог унять дикий приступ ярости.

Она перестала плакать и молча сносила удары, ждала с безразлично-обреченным видом.

"Ничего... Пусть... Все кончится... Кончится же когда-нибудь..."

Да, закончилось все. Вернее, произошло неожиданное. Адиль вдруг сник, рука, занесенная для удара, повисла в воздухе. Опустилась в виноватой, просительной ласке ей на плечо. Он обнимал, осыпал ее поцелуями, тыкался беспомощной головой, и она почувствовала на щеке его слезы. Ей стало мерзко, противно. И с этим чувством она резко оттолкнула его от себя. Впервые она позволила себе такое.

- Прочь! Убирайся! Пойдешь за мной - сожгу себя!

Адиль понял: это не просто слова. И неведомый до сих пор липкий страх закрался в душу.

Она выбежала во двор, скрипнула дверь... Тьма. Тишина.

Она шла куда глаза глядят. Ноги несли ее неведомо куда, она спотыкалась, оступалась, но шла и шла. Прочь отсюда. Подальше. Забыть все. Забыться всеми. Она чувствовала, различала только дорогу. Дорога выведет ее куда-нибудь, к неведомому порогу, завершению, разрешению, и она обретет желанный покой, растворится в этом покое, и ее мятущееся, взбаламученное сердце наконец умиротворится и утешится...

Холод сентябрьской ночи неощутим. Ветви, колючки царапают ноги, кровавят, отрывают клочки изодранной мужем ночнушки, - она не замечает. Она не чувствует ничего. Не осознает, что ее уже обступила таинственная лесная мгла, населенная непонятными странными криками, голосами, шорохами. Она пробирается по тропе, раздвигая ощетинившиеся кусты, распугивая птиц, выпархивающих из-под них, дающих стрекача, слыша скорбный вой совы, оплакивающей чью-то неведомую судьбу.

Лес поредел, и матово-лунной полосой проступила опушка, распахнулось смутно белеющее поле, и неожиданно на этом безлюдье заструилась мелодия песни, голос певца, выводящий протяжные слова, отчетливо различимые в ночной тишине:

*Вся округа в клеверу,
Клевер вымахал к добру.
Моя милая стройна,
Белолица, как луна,
Плачет горестно она...*

Песня всколыхнула ее, привела в чувство, она будто очнулась, опомнилась, огляделась окрест. И увидела себя, одинокою былинкой, застывшей на опушке холодно темнеющего леса, поежилась от страха, задрожала зябко и с ужасом подумала: как ей быть, как выбраться отсюда, в таком облачении...

До нее доносились голоса, рассыпался смех. Только сейчас она различила девушек, вязавших скошенную траву в

снопы при лунном свете. Пахнуло знакомым, родным, сладостным запахом свежих покосов. Она вспомнила себя, юную, прежнюю, как на селе вот так же лунными ночами вязала снопы, как от зари до полуночи всем миром заготавливали сено для домашней животины...

"Пойду к ним," - подумала она и двинулась к сельчанкам.

Вдруг раздался испуганный крик. Она вздрогнула, застыла на месте.

Девушки тыкали руками в ее сторону:

- Смотрите! Смотрите-е-е!

- Это же Блажная! - вскрикнула испуганно другая.

- Та самая?

- Ну да!

Девушки в страхе сбились в кучку и... припустились к селу...

Сарвиназ, ничего не понимая, смотрела им вслед. Глянула на свои отрепья и сообразила. У нее запершило в горле.

Тут она заметила двоих крестьян неподалеку - они смотрели в ее сторону и переговаривались.

- Видишь Блажную?

- Так ведь Блажная, вроде, старая должна быть, седая.

- Бывает и молодая.

- А ведь хороша, черт побери.

- Не подходит. Заманит.

- Как?

- А так - протянет руки и - цап!

- Давай-ка сматываться. От греха подальше.

Мужчины удалились.

"Значит, за Блажную меня сочли..."

Луна зашла за гребень Шах-дага, вокруг загустела тьма. Издали доносился рокот горной реки. Она стояла обессиленная, потерянная, оцепенев от страха. Ей казалось, что сердце вот-вот разорвется. Там, где стояли девушки, она различила три чинары, показавшиеся очень знакомыми. От них в лес должна тянуться тропа, ведущая напрямиком к сторожке Рахмана... В душе забрезжила надежда...

Она двинулась к тропе, преодолевая страх и холод, она уже бежала, и ей мерещились подстерегающие взгляды; она то и дело озиралась, не гонится ли кто за ней; да она и впрямь Блажная, иначе что ей шляться по лесу на ночь глядя...

Эта мысль напугала ее пуще всего, и она рванулась к последней надежде, единственно возможному пристанищу.

Что-то мягкое коснулось ее лба. Она отпрянула, два больших круглых глаза уставились на нее, два жутких злобующих зрачка... Она завопила, и голос эхом прокатился по лесу. Сова взмахнула крыльями, взмыла и канула во тьму.

Рахман проснулся на дикий крик, встал, кинулся из сторожки в лес, он узнал этот голос, он не мог ошибиться. Под дубом он различил фигуру в белом. Перед ним была Сарвиназ, неузнаваемая, с распущенными волосами, в изодранной ночной рубашке, залитая лунным светом, похожая на привидение.

- Ты? - только и смог он вымолвить. Она кинулась к нему, припала к груди, и он, почувствовав похолодевшее, хрупкое, обессиленное тело, подхватил ее, понес в сторожку и уложил на тахте. Открыв глаза она застонала, как в бреду:

- Я... Блажная..., пришла увести тебя... - И впала в забытие.

...Она была в белоснежном свадебном платье, и лицо ее затеняла фата. Со двора доносилась томительно светлая лезгинская свадебная мелодия "Перизада". Ей предстояло отправиться невестой в дом жениха, ждавшего ее с нетерпением, облаченного в черный торжественный костюм, белую сорочку с галстуком.

Через полчаса или час для Сарвиназ начнется новая жизнь. И перед ней возникло лицо Адила, вспомнился его голос, манеры, осанка, и ей стало тоскливо. Она поняла, на что обрекает себя - жить с этим человеком под одной

крышей, дышать одним воздухом, спать на одном ложе... Ей хотелось закричать, позвать на помощь... И тут перед ней упал букет нежных цветов, и тонкий аромат их вскружил ей голову. Она кинулась к окну, за которым мелькнула тень: Рахман, черноглазый, бородатый, с рубашкой нараспашку.

- Это тебе свадебный подарок! - сказал он и был таков. У нее сердце оборвалось.

- Не уходи! - вскричала она.

... И почувствовала на лбу ладонь. Это прикосновение источало теплые токи, наполнявшие все ее существо.

- Успокойся, - зашептал он. И шепот его прозвучал как колыбельная песня. Видение свадьбы исчезло, и, осознав это, она обрадовалась. - Сон приснился?

- Да... Часто снится такое...

Доносился знакомый аромат, такой же, как во сне.

- Чем это пахнет?

У окна, на столе, на полках благоухала лесная благодать... Целое пиршество красок...

- Да ты все цветы лесные сюда насобирали...

Она прижалась к Рахману, обвила его руками.

- Я никого... ничего... уже на свете не боюсь... Я знаю... Думаешь, только ты меня любишь... И я... я люблю тебя.

Рахман был ошеломлен этим неожиданно нелепым, странно свалившимся на него счастьем, близостью женщины, годами любимой, недостижимой...

Запах волос, в которые он уткнул лицо, пьянил его.

- Сама пришла... Все равно людей не переубедишь... На всякий роток не накинешь платок... Все твердят - мы были близки. Один Бог у нас свидетель. Но мы созданы друг для друга...

...Когда она проснулась от щекощущего ослепительного прикосновения солнечных лучей, было уже за полдень. Впервые она проспала рассвет.

Рахмана не было. В углу - фигурка улыбающейся жен-

щины, вырезанная из дерева. И чем дольше вглядывалась она в черты этого воплощения, тем больше узнавала себя... Кто знает, сколько усердия, памятливого внимания вложил Рахман в безжизненный кусок дерева, чтобы вдохнуть в него жизнь и правдоподобное сходство!

В сторожке разлилась благодная тишина. Она смежила глаза, вспоминая ласки Рахмана. А вот и он на пороге. Подошел, склонился.

- Знаешь, чего не могу простить себе всю жизнь? То, что своими руками отдал тебя в объятия Адила. Я с первого же мгновения понял, что ты создана для меня. Кто знает..., если бы тогда я не умыкнул тебя, встретился бы тебе другой, достойный избранник, и зажила бы ты в мире и согласии, и моя судьба не пошла бы под откос... Но теперь думаю, что ради этого счастья стоило перетерпеть все муки. Я больше от жизни ничего не желаю.

Она провела ладонью по его волосам.

- И я...

Говорят - не наговорятся. Они преобразились, как чахнувшие без воды цветы, сподобившиеся, наконец, живой влаги. Она рассматривала каждую складку его лица, морщинки на лбу, густые ресницы, окаймлявшие черные глаза, прямой нос...

- Что ты так смотришь?

- Хочу запомнить. Навсегда. Мало ли что может произойти...

Голос у нее дрогнул. И ему пришло на ум, что это негаданное, нечаянное счастье не может длиться долго, что оно может истаять так же внезапно, как появилось.

- Как подумаю, что придется мне уйти и больше не увидеть тебя - ничего не желаю себе, кроме смерти.

- Может, не уходить тебе, - неуверенно произнес Рахман.

- Почему ты так поздно встретился мне? Почему раньше не нашел меня? В чем мы провинились перед Богом, что он такую кару на нас ниспослал?..

- Давай поженимся... Хоть оставшуюся жизнь проживем вместе, - решил наконец вымолвить он.

- А дети?.. Нет... Об этом больше ни слова. Я только ради них и живу. Да и ты...

Когда стало смеркаться, она встревожилась.

- Пора.

- Так скоро?

- К ночи едва успею домой.

Он накинул ей на плечи пиджак. Они вышли.

- Со дня, как тебя увидел, мечтаю: вместе побродить по лесу. В нем есть такие живописные уголки... Мечтал показать их тебе, поделиться радостью. А ты вот - ночью явилась и ночью уходишь.

У холма, на подступах к райцентру, она остановилась.

- Посидим чуть-чуть.

Они молчали. Он видел ее налившиеся слезами глаза, и чувствовал, как у самого дрожат губы.

- Дай мне слово, - она заглянула ему в глаза. - Обещай, что вернешься к Маисе. Ради меня. Пожалей и ее, и себя. Годы пройдут, настанет старость, и тебе нужен будет женский призор. Дай слово.

- Ладно...

Она крепко обняла его в последний раз.

- Не гляди так, милый..., минутой раньше или позже расстанемся - не имеет значения. У меня одно утешение: как хорошо, что ты есть на свете...

- Прощай, моя Блажная...

- Прощай, мой Дервиш...

ЭПИЛОГ

Когда Сарвиназ, пройдя по обезлюдившим, темным улицам дошла до своих ворот, взору ее предстал Адиль, сидевший на валуне и устремивший взгляд в неведомую точку.

- Где ты была? - Тихо, неузнаваемым голосом спросил он.

- У Рахмана.

- Ради Бога, где ты пропадала? Всякие страхи лезли в голову.

- Ты сам послал меня к нему.

- Ладно, брось чепуху молоть. Пойдем домой, а то простынешь.

Он не мог утаить радости.

1993 г.